

Дарья

Кин

Софья

10+

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ДЕННИ РИД

А ЧТО ВЫБЕРЕШЬ ТЫ?

Пенни Рид
Правда или борода
Серия «Брутальные
истории Пенни Рид»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57160836

Правда или борода: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-110369-9

Аннотация

Братья-близнецы Бо и Дуэйн чертовски хороши собой, но на этом их сходства заканчиваются. Общительный и раскрепощенный Бо – настоящая душа компании. Дуэйн всегда сдержан и абсолютно невозмутим. Неудивительно, что Джессика, юная выпускница колледжа, выбрала Бо. В своей голове. Скромная, наивная Джессика... Как часто ты краснела, когда ловила взгляд Бо. Как расплывалось все перед глазами, когда он улыбался и заставлял чаще биться твое сердце. Но почему ты так не любишь Дуэйна? Что плохого он тебе сделал? Да ты же ненавидишь его! Судьба подкидывает Джессике забавный случай. Она принимает Дуэйна за Бо, и теперь ей предстоит переосмыслить все, что она знала о сдержанном Дуэйне. Так держать, Джессика. Может, ты и права. Хорошим девочкам не всегда нравятся плохие мальчики, а скромность действительно

украшает. Умный, красивый, веселый Дуэйн. На что ты готова ради любви, Джесс?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	40
Глава 3	61
Глава 4	79
Глава 5	102
Глава 6	121
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Пенни Рид

Правда или борода

Для тех, кто странствует не ради пункта назначения. С надеждой, что теперь вы наполните теплом свою душу и сердце.

Penny Reid

TRUTH OR BEARD

Copyright © 2015. Truth or Beard by Penny Reid

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency
and Andrew Nurnberg Literary Agency

Copyright © Cipher-Naught LLC

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

*Не все, кто бродит, заблудились.
Дж. Р. Р. Толкин, «Братство Кольца»*

~ Джессика ~

Я въехала на парковку перед городским клубом Грин-Вэллей, насмерть перепугав пятерых престарелых граждан.

Хоть сегодня и Хеллоуин, увеличивать число инфарктов у пожилого населения не входило в мои планы. К несчастью для всех в радиусе сотни футов, мой внедорожник издал жуткий, прямо-таки замогильный протяжный визг – такое с ним случалось на холостых оборотах.

Пятеро старичков подскочили от испуга и негодуя уставились на меня. Гневные взгляды вскоре сменились недоуменными прищурами. Не сразу, но они меня узнали.

В Грин-Вэллей, Теннесси, меня знают все.

Правда, скорее всего, почтенные горожане не ожидали увидеть Джессику Джеймс, двадцатидвухлетнюю дочь шерифа Джеффри Джеймса и сестру помощника шерифа Джексона Джеймса, за рулем стародавнего *Ford Super Duty 350 XL*. Делу не помогало и то, что на лице у меня сегодня красовалась длинная белая накладная борода.

В свою защиту скажу: этот автомобильный монстр не мой, а мамин. Я сейчас временно безлошадная, а мама недавно прикупила себе машину поновее и побольше, чтобы лепить на бампер стикеры вроде: «Ты сегодня целовал своего шерифа?», «Выпил – не садись за примеры, а то насчитаешь!» или «Ешьте стейки! Запад не салатами завоевывался».

Будучи женой шерифа, матерью полицейского и учительницы математики и вдобавок дочерью владельца коровьей фермы, мама считала, что просто обязана превратить внедорожник в передвижной рекламный щит – прополицейский, проматематический и проговяжий.

Скрывая улыбку за бородой, я терпеливо ждала, пока старички насмотрятся: их взгляды меня не смущали. Они еще с минуту глазели, а потом вся компания, как стая черепах, побрела ко входу городского клуба, то и дело опасливо оборачиваясь.

Я побыстрее приткнула *Ford* в конце парковки. Унаследовав этого монстра, я начала парковать его с краю, чтобы не прослыть нехорошим человеком, который занимает своей огромной тачкой сразу два места.

Я поправила бороду, перекинув трехфутовый излишек через плечо, подхватила серый плащ с остроконечной шляпой и начала сползать с водительского места, стараясь не грохнуться и не сверкнуть чем не надо. К счастью, к моему костюму прилагался длинный посох, и я орудовала полированной деревянной палкой, чтобы облегчить себе спуск. По-

следняя составляющая моего наряда стремилась, можно сказать, к нулю – сильно декольтированное мини-платьице, совершенно не стеснявшее движений.

Я уже прошла половину парковки, с удовольствием представляя неодобрительные взгляды отца и брата, и тут меня кто-то окликнул:

– Джессика, подожди!

Обернувшись, я увидела Клэр, свою коллегу и подругу, и помахала ей.

– Я так и думала, что это ты! Увидела посох и плащ. – Приблизившись, она рассмотрела мой костюм: – Правда, ты сделала кое-какие... модификации.

– Да, – гордо кивнула я и улыбнулась, заметив ужас и изумление на ее лице.

Клэр не переделалась после работы и приехала в образе Тряпичной Энни: ярко-рыжие волосы и веснушки у нее свои, оставалось лишь связать длинные локоны в хвостики и натянуть комбинезон и белую панамку.

– Нравится? – Я покрутилась, хвастаясь новым платьицем и босоножками на шпильках.

– Но ты по-прежнему Гэндальф или кто?

– Да, Гэндальф, но сексуальный. – Я многозначительно пошевелила бровями.

Клэр фыркнула, прикрыв рот ладонью в белой перчатке:

– Господи... Совсем чокнулась!

Я шаловливо хихикнула (хихикаю я только тогда, когда

замышляю коварство).

– Ну, на работу я так прийти не могла, но мне нравится этот образ. Вспомни дурацкие костюмы, которые женщины традиционно надевают на Хеллоуин: сексуальная медсестра, сексуальная ведьма, даже сексуальная пчела – я своими глазами видела костюм сексуальной пчелы! Я чего-то не понимаю или реально существуют мужчины, которых возбуждают насекомые-опылители?

– В одном я с тобой согласна: на работу в образе секси-Гэндальфа точно приходиться нельзя. Ты не только нарушила бы дресс-код, но и вызвала бы у старшеклассников сексуальные фантазии с участием горячей математички. Если бы ты провела занятия в костюме секси-Гэндальфа, ребята перестали бы понимать, какой они там ориентации...

Я засмеялась, тряхнув головой, и подумала о том, какими странными выдались последние три месяца.

Как и я, Клэр уроженка Грин-Вэллей. Как и я, после колледжа она вернулась в родные пенаты. Однако если я приехала на время – пока не выплачу кредит за обучение, то Клэр намеревалась тут остаться навсегда. Она начала преподавать музыку и актерское мастерство, еще когда я заканчивала школу, а теперь мы работаем вместе. У Клэр удивительно красивое лицо, яркие голубые глаза и роскошные рыжие кудри, так что в школе ее до сих пор называют «мечтой Шекспира».

Порыв осеннего ветра напомнил мне об обширной пло-

щади открытого тела, и я вздрогнула.

– Пойдем. – Клэр взяла меня под руку. – Давай скорее, пока ты бороду не отморозила.

Я пошла за ней в бывшую школу. Из распахнутых дверей доносилось брэнчанье фольклорной музыки.

Была пятница, а значит, все способные передвигаться в радиусе тридцати миль соберутся на джем-сейшен. По случаю Хеллоуина коридоры были украшены картонными скелетами, тыквенными фонариками и черно-рыжим серпантинном. Городской клуб в здании бывшей школы возник всего семь лет назад, и регулярные джем-сейшены начались вскоре после этого.

Здесь всегда проходили атмосферные вечера. Первыми уйдут семейные пары с детьми, за ними откланяются пожилые, затем испарится молодежь – скорее всего, поедут на поле Купера, выпивать у праздничного костра. Совершеннолетние горожане без семьи и детей уйдут последними.

Я нерешительно и довольно неуклюже осваивалась в новом для себя кругу взрослых одиночек.

До колледжа я входила в подгруппу любителей выпить у костра на Куперовом поле. Правда, я не оставалась до конца и ни разу не напивалась, зато всегда находила парня для поцелуев.

Теперь же я принадлежала к тем свободным взрослым, которые сами решают, как закончится их вечер. Если хочется чистого, незамутненного веселья, добро пожаловать в кан-

три-бар «Джини», где есть танцы и дартс. Если интересно с кем-нибудь переспать, милости просим в «Деревянную балку», байкерский бар на окраине. А если надо с кем-то переспать, устроить дебош, а потом еще раз переспать, можно махнуть в бар «Дракон» в нескольких милях от города, где постоянно собираются члены байкерской группировки «Железные призраки».

А если вы, как и я, уже не юная бунтарка, которой подавай парней для поцелуев, и ваша главная цель на вечер – проверить толстенную стопку тетрадей, то вы поедете домой, наденете фланелевую пижамку и включите для фона канал о путешествиях.

Отца я заметила раньше, чем он меня, потому что вокруг него собралась толпа: папа оживленно говорил с кем-то, кого мне не удалось разглядеть. Стоял он прямо на входе, у стола с большой стеклянной миской для пожертвований. Как всегда, папуля явился в форме.

Клэр привстала на мыски и вытянула шею, пытаясь разглядеть, из-за чего сыр-бор.

– Кажется, там выпрашивают конфет или угрожают пако-стями, – сообщила она. – Вижу детишек в костюмах, а на столе стоит ведро с карамельками.

Я кивнула и оглядела сначала левый коридор, затем правый. Музыка доносилась только из одной комнаты, зато дети толпами толклись в пяти бывших классах, расхаживая либо с яркой наволочкой, либо с пластиковой оранжевой резной

тыквой, чтобы было куда складывать выклянченное.

Я хотела предложить Клэр обойти очередь, а пожертвования внести позже, как вдруг увидела рыжего бородатого мужчину: он выходил из класса, держа за руку маленькую, лет семи, светловолосую девочку в костюме феи Динь-Динь.

От изумления у меня даже дыхание перехватило. Потом по телу разлилось тепло, и я жутко смутилась, чего со мной не бывало уже много лет.

Я жадно разглядывала его с ног до головы. Длинные рукава синего рабочего комбинезона он завязал на талии, чтобы не потерять штаны, от бедер до колен покрытые пятнами жира и грязи. Мускулистый торс обтягивала ослепительно белая футболка, а на ногах красовались черные рабочие ботинки. Густые рыжие волосы были растрепаны, точно он... или кто-то другой... пригладил их пятерней.

Бо Уинстон.

Я сразу поняла, что это Бо, а не его брат-близнец Дуэйн: он улыбался маленькой Динь-Динь. С лица Бо улыбка не сходила, а Дуэйн никогда не улыбался.

А еще мужчина явно помогал своей спутнице-фее. Бо по натуре любезен и общителен, а Дуэйн – мрачный молчаливый сыч.

Наконец, мое тело будто чувствовало разницу: при виде Бо я сразу теряла дар речи и превращалась в жертву гормональных бурь. Дуэйн, внешне вроде бы неотличимый от брата, поднимал мне только давление, а дар речи рядом с ним я

теряла разве что от раздражения.

Моя подростковая влюбленность – хотя нет, какая влюбленность, одержимость! – шагала к нам, держа в орбите внимания исключительно маленькую девочку. Бо походил на Джеймса Дина с рыжей бородой, только выше и шире в плечах. Кажется, я забыла, как дышать. Он был такой неземной, ну такой неземной, что я забыла, как ненавижу слово «неземной».

– Джесс. – Клэр подтолкнула меня острым локтем. – Джессика, что случилось?

Другие девчонки сходили с ума по мальчишечьим поп-группам, рок-звездам и красивым знаменитостям, а я сохла по Бо. Это началось, когда он залез на дерево и спас моего кота. Мне было восемь, Бо десять. Он поцеловал меня в щеку и утер слезы. Он взял меня за руку. Он меня обнял.

Бо был героем – он же спас моего кота!

У меня проскочила мысль: может, со мной что-то не то? Вряд ли другие девушки в двадцать с лишним лет впадают в ступор при виде первой любви.

Разве я не должна уже это перерасти?

Мой голос превратился в слабый шепот, а во рту пересохло, когда я наконец ответила Клэр, еле заметно кивнув на пару впереди:

– Бо Уинстон.

Возникла коротенькая пауза – Клэр посмотрела в ту сторону.

– Нет. – Она крепко сжала мою руку. – Это Дуэйн.

Я покачала головой, с усилием отведя глаза от рыжего красавца:

– Это Бо!

Клэр скривила губы и принялась изучать мое выражение лица. Уверена, физиономия у меня сильно порозовела: побочный эффект – такая уж она, кожа с веснушками, да и непроходящая влюбленность в самого милого парня на свете. Мне не было стыдно, но я залилась густой краской. Так происходило с самого детства, стоило мне оказаться в одной комнате с Бо: в животе бабочки и музыка, слышная только мне.

– Говорю тебе, это Дуэйн! У Бо волосы короче.

– Нет, – решительно замотала я головой, стараясь выровнять дыхание и прийти в себя. – Дуэйн тоже меня с ума сводит, но в плохом смысле. Это точно Бо.

С Дуэйном мы не ладили. Тот же самый эпизод, который вызвал и укрепил во мне вечное обожание Бо, зародил и отвращение к Дуэйну. Пока Бо лазил на дерево и спасал кота, Дуэйн кидал камнями в ветку. Когда Бо поцеловал меня в щеку, Дуэйн только вытаращил глаза.

Клэр, с трудом сдерживая смех, проговорила:

– Вот так номер! Значит, ты не шутила, что влюблена в этого парня! Ты ведь со школы этих близнецов не видела, да?

– Нет. На втором курсе колледжа, когда я приезжала на зимние каникулы, я видела Бо в магазине самообслужива-

ния. Он покупал бекон и зеленую фасоль, а я стояла за ним в очереди.

Клэр уже не скрывала улыбку.

– Забавно наблюдать.

– За чем?

– За тобой, балда! Ты же Джессика Джеймс, которая хочет прожить жизнь без серьезных обязательств! Ты спишь и видишь, как бы объехать весь мир, а домой вернулась только кредит отработать и набраться опыта. Но несмотря на все это, ты, оказывается, мечтаешь о драгоценной встрече с Бо Уинстоном в нашем задрипанном универсаме! Могу поспорить, ты помнишь каждую секунду вашей встречи!

Я поглядела на подругу, готовая запротестовать, но не желая лгать. Клэр права – я помню все. Бо повернулся ко мне и спросил, не подам ли я пачку жвачки, до которой ему не дотянуться. Я попыталась пожать плечами, но у меня вышло нечто, напоминающее судорогу. Я потянулась за жвачкой, попутно смахнув на пол коробку мятных пастилок для свежего дыхания.

Бо опустился на колени, чтобы помочь собрать разлетевшиеся коробочки пастилок, и наши руки соприкоснулись. Я чуть не упала в обморок и покраснела, как свекла. И тогда Бо мне улыбнулся. Я снова чуть не упала в обморок. А потом он помог мне подняться, и со мной чуть не случился сердечный приступ.

Он спросил, подавшишь ко мне:

– Джесс, ты в порядке?

Его прекрасные голубые глаза глядели с заботой и тревогой.

Я кивнула, не в силах ответить, потому что Бо придерживал меня за локти, а я загляделась на него снизу вверх. Бабочки в животе и музыка, слышная только мне (в тот раз звучало «Вечное пламя» «Бэнглз»¹), заглушили его голос и слова. Я видела, как губы Бо изогнулись в еле заметной улыбке.

Но тут некстати подошел мой братец Джексон и все испортил, велев Бо заниматься своими делами. Бо пожал плечами – непринужденно, а вовсе не скованно – и повернулся к кассе. Расплатившись за бекон с зеленой фасолью и жвачку, он ушел.

Поверьте, я не отличаюсь болезненной застенчивостью или робостью. Я считаю себя вполне уверенной и уравновешенной особой. У меня есть старший брат, поэтому парни для меня не тайна за семью печатями. Но в присутствии Бо Уинстона на меня всякий раз нападало косноязычие, рядом с ним я мгновенно глупела – одним словом, при виде Бо я превращалась в полное посмешище.

Стоп, это два слова. Я поглупела настолько, что разучилась считать.

– Джесс, кроме шуток, ты в порядке? Ты красная как рак. – Клэр стиснула мне локоть и немного отвлекла от пульсирующих от боли висков.

¹ Bangles – Eternal Flame (Прим. ред.).

– Ага, – выдавила я. – Скажи, когда он уйдет.

– Ты что, с ним не поговоришь?

Я неистово замотала головой.

Клэр сморщила нос, поглядела куда-то в сторону – предположительно на приближающуюся массивную фигуру – и снова сжала мой локоть:

– Я тебя такой еще не видела. Это не Джессика Джеймс, которую я знаю.

– Ничего не могу с собой поделатъ. Если я с ним заговорю, то упаду в обморок.

Клэр цокнула языком.

– Две недели назад, когда мы ездили в Нэшвилл, ты подошла к сексуальному незнакомцу у входа в клуб и поцеловала его!

– Так ты же поспорила со мной на десять долларов! С Бо – это совсем другое. Тот парень со мной флиртовал. А еще я люблю целоваться.

– Стоп, ты что, не хочешь целоваться с Бо?

Я нервно зашептала:

– Конечно, хочу, но только теоретически. Кто твой любимый актер? Если голливудский красавец, который случайно окажется еще и хорошим человеком, привезет тебя к себе домой и оставит свет, пока туда-сюда, что ты будешь делать? Вот конкретно? Нет, давай начистоту, что бы ты сделала?

Клэр долго смотрела на меня, а потом спросила:

– А меня предупредят за несколько месяцев до этого?

Чтобы я села на низкоуглеводную диету и начала качать пресс?

– Нет.

– Тогда, если начистоту, я убегу куда глаза глядят.

– Вот видишь! Не знаю, как объяснить... В общем, если он захочет меня поцеловать, я умру от стыда!

– А при чем тут Бо и селебрити?

– Это сложно. Я испытываю схожие – но не точно такие же – чувства к Неустрашимой Ингер, Готфриду Вильгельму Лейбницу и Тине Фей.

– Неустрашимая Ингер? Это не та блогерша, которая путешествует в одиночку и о которой ты мне все уши прожужжала?

– Да-да.

– А кто такой Лейбниц?

– Ну ты даешь... Это, можно сказать, отец матанализа! Он уже умер.

Клэр сжала губы, отчего угол рта опять съехал в сторону: видимо, подруга изо всех сил старалась не рассмеяться.

Я беспомощно пожала плечами:

– Что поделать, я математик до мозга костей.

– Ага, законченная математичка в образе сексуального Гэндальфа!

– Господи, я и забыла! – Рука сама потянулась к моей борде. – Может, Бо меня не узнает?

Клэр снова прищелкнула языком.

– Позволь уточнить: значит, ты запросто целуешь незнакомца на улице, но если тебе вдруг привалит возможность пообщаться с одним из твоих героев – блогершей-путешественницей, покойным папашей самого матана, самой прикольной из ныне живущих женщин или с Бо Уинстоном, тебя накрывает афазия и ты лишаешься чувств?

Я кивнула.

– Дорогая, Бо Уинстон совершенно обычный парень. Откуда такая одержимость? Иди и заговори с ним.

– Пока мы росли, он каждый день совершал что-нибудь героическое, отважное или на редкость доброе. Я говорила, что он спас моего кота? А однажды я видела, как он защитил двух малышей от гремучей змеи. А в другой раз...

– Короче, ты много лет мысленно строила ему пьедестал повыше.

– Я не могу с ним заговорить! Пока не могу. Может, когда-нибудь в будущем, после радикальной внутренней подготовки... – хрипло, отрывисто прошептала я.

– Бред.

– Нет, правда, не могу. Мне ни разу не удалось поддержать разговор с Бо Уинстоном, и пьедестал тут ни при чем. У меня целый список неудачных попыток. Каждый раз, когда я пытаюсь что-нибудь сказать, мозг словно забывает слова, и я начинаю лепетать на суахили, шведском или швейцарском. Бо считает меня настоящей идиоткой.

– В Швейцарии не говорят по-швейцарски. Там немец-

кий, французский, итальянский – и местный диалект.

– Вот видишь? Я глупею!

Я судорожно сделала вдох – выдох, потому что до меня донесся голос Бо Уинстона: он говорил с малышкой. Звуки были очаровательны – у меня внутри все взмыло, а потом заурчало, будто я маленький катер посреди океана. Я прижала ладонь к животу и поустойчивее встала.

Появившись в поле моего периферического зрения, Бо мгновенно завладел моим вниманием, притянув его, как магнит железные опилки. Его улыбка стала спокойнее, когда он подвел девочку к почтенной леди, в которой я узнала миссис Макинтайр, главную библиотекаршу городской библиотеки. Похоже, Динь-Динь была ее внучкой.

Маленькая фея щебетала о курочке или петушке, Бо что-то ответил, и они засмеялись. Я только смотрела, позволяя бархатистым звукам накрывать меня с головой. Я снова оказалась на огромной волне посреди океана: вверх – вниз.

Бо мельком взглянул в мою сторону, видимо, почувствовав чье-то навязчивое внимание, и тут же посмотрел второй раз, пристальнее. Мой взгляд попал в ярко-голубую ловушку. Горло у меня работало на холостом ходу, беззвучно, и я вся превратилась в жаркую волну смущения. Бо прищурился, когда я не отвела глаз.

Господи, я вела себя как дура.

Я хотела потупитья, но физически не могла – он так редко на меня смотрит... Я будто падала куда-то, все вокруг

меркло и бледнело, кроме восхитительного Бо и его ярко-ярко-ярко-голубых глаз.

К моей досаде, как всегда при появлении Бо, в голове снова заиграла музыка, слышная только мне (на этот раз «Мечтатель» Гэри Райта²), и я прозевала, когда он сказал:

– Привет, Джессика!

Прочитав это по губам, я попыталась убавить громкость в голове и кивнула в ответ, все еще не в силах отвести взгляда.

Я пришла в ужас, когда Бо извинился и отошел от миссис Макинтайр и Динь-Динь, направившись к нам с Клэр. Я покачнулась и отступила назад, но Клэр взяла меня под руку и плотно прижалась сбоку, видимо, решив, что я упаду в обморок или сбегу.

К сожалению, я не успела ни того, ни другого – Бо как-то сразу оказался рядом.

– Привет, Бо, – отозвалась Клэр после некоторого колебания. – Ты же Бо? Или Дуэйн?

Он хитро улыбнулся – получилось соблазнительно и очень лукаво.

– Неужели вы нас не различаете?

Клэр не сдержала улыбки: очарование Бо было заразительным и пьянящим. Я однажды слышала, как мой папа говорил маме, что шестеро мальчишек Уинстонов унаследовали способность папаши гипнотизировать змей, женщин и налоговых инспекторов.

² Gary Wright – Dream Weaver (Прим. ред.).

Я тоже улыбнулась, хотя моя улыбка наверняка получилась одурелой и странной. Хорошо, что рот прикрывала длинная белая борода: надеюсь, она хоть немного скрывала глупейшую мину восторженного обожания.

– Я-то уверена, что ты Дуэйн. – Клэр кивнула в мою сторону: – Но Джессика считает, что ты Бо.

Он вновь повернулся ко мне – взгляд стал пристальнее, более заинтересованным и пронизательным – и оглядел меня с головы до ног. Когда взгляд Бо прошелся по мне в обратном направлении, я заметила мелькнувшее в нем одобрение и только тут сообразила, что безумный костюм сексуального Гэндальфа не прикрывает практически ничего, кроме моего лица и волос.

Этим костюмом я просто хотела позлить папу и Джексона. Да, я уже не та непослушная юная девица, какой была четыре года назад, когда уехала из дома, но по-прежнему обожаю побунтовать против мужчин в нашей семье – очень уж они меня опекают. Мне как-то не приходило в голову, что при взгляде на мои формы, обтянутые лайкровым лоскутком, кто-то увидит нечто скорее сексуальное, нежели смешное.

– Что это за костюм, Джессика? Ты что, волшебник? – Бо улыбнулся уголком рта, но голос его стал глубже и бархатистее, когда он прибавил: – Мне нравится.

Обертоны в сочетании со смыслом сказанного вдруг придали иное направление моей крови, и это ничего общего не

имело с тем, что я раньше ощущала в присутствии Бо. Это не был слабоумный восторг перед героем моего детства.

Это чувство было... зрелым.

От удивления я сильнее схватилась за Клэр.

– Она сексуальный Гэндальф. Собиралась быть сексуальной пчелкой, но в магазине закончились костюмы насекомых-опылителей.

Бо засмеялся – этот звук, по неизвестным причинам, отозвался в моем животе, – Бо потянулся к белой бороде, взял в руки синтетическую растительность, которая прикрывала не менее синтетическое и не подходящее волшебнику декольтированное платье.

– Борода, бесспорно, придает образу изюминку... – Бо чуть подергал за нее и подмигнул.

Разумеется, моей реакцией было молча пялиться на кумира: улыбка, плюс подмигивание, плюс легкое прикосновение равнялось мгновенной смерти от смущения. Вместо того чтобы справиться с детской влюбленностью, я невольно усугубила свое обожание, прибавив к нему новые и очень взрослые чувства. Каким-то нетипичным краем сознания я задумалась, а не начать ли носить белую длинную бороду каждый день.

– Эй, если ты дернул ее за бороду, она имеет право подергать за твою, – поддразнила Клэр.

Улыбка Бо стала шире, он подался вперед, вторгнувшись в мое личное пространство, веки немного опустились, и будто

светящиеся голубые глаза уставились на меня:

– Давай, Джессика, дергай.

Он произнес мое имя, как некую тайну. От слов и близости Бо у меня перехватило дыхание.

Я чувствовала его запах, и это заставляло меня хотеть... хотеть... Даже не знаю чего. Раньше у меня были бойфренды, и они мне нравились, но неожиданный прилив грязных мыслей застал меня врасплох, и меня захлестнула горячая волна смятения и паники.

В глазах Бо мелькнула искорка, которая быстро превратилась в пламя, будто он прочел мои мысли.

И снова обжигающий прилив чего-то отнюдь не отстраненно-восхищенного заставил сжаться все внутри. Моя женская реакция на его мужественность была просто необъяснимой!

Хотя отчего же, если задуматься...

Уинстоны были очень хороши собой. Я обратила внимание, как двигается Бо, как футболка обтягивает мышцы, а рукава едва не трещат на бицепсах.

– Жаль твою маму, сынок. Соболезную.

Голос справа от меня (и слева от Бо) заставил нас отвлечься друг от друга. Повернув головы, мы увидели мистера Макклюра, шефа городской пожарной службы и свекра Клэр. Бо, отступив от меня на шаг, обменялся с Макклюром рукопожатием. Тот продолжал:

– Она была хорошим человеком, ее многим будет не хва-

тать.

Я сразу немного пришла в себя от вконец разошедшегося мечтателя. Уинстоны похоронили мать месяц назад. Бетани Уинстон было всего сорок семь, и скончалась она очень быстро и неожиданно. Я не ходила на похороны, свалившись с гриппом, но, судя по всему, весь городок провожал миссис Уинстон в последний путь и соболезновал ее шестерым сыновьям и дочери.

– Спасибо, сэр, – кивнул Бо. Огонь в глазах погас, взгляд стал замкнутым, на губах появилась натянутая улыбка.

Мистер Макклюр скорбно покивал в ответ, а потом тепло поприветствовал нас с Клэр, поцеловав невестку в щеку. Ощущая пристальный взгляд Бо, я мысленно похлопала себя по плечу за то, что все внимание сосредоточила на свекре Клэр.

Когда все полагающиеся любезности были сказаны, мистер Макклюр прищурился, глядя на невестку:

– Клэр, ты заперла машину?

Я умилилась – надо же, заботится, как о родной дочери! Клэр вышла замуж за парня, которого любила с детства; ее муж, Бен Макклюр, был морским пехотинцем и погиб несколько лет назад.

Клэр кивнула, терпеливо улыбнувшись:

– Да, сэр, заперла.

К моему удивлению, Макклюр перевел голубые глазки на меня:

– А ты, Джессика, машину заперла?

Я растерянно заморгала и взглянула на Клэр.

– Снова серия краж, – объяснила подруга. – И не мелочь у туристов, как обычно. На прошлой неделе угнали новую тачку Дженнифер Сильвестр.

– По словам ее мамы, на переднем сиденье стоял банановый торт, – сокрушенно цыкнул мистер Макклюр, будто видя в этом особый цинизм преступления, и спросил у Бо: – А твои братья здесь?

– Да, сэр, все, кроме... – Его взгляд метнулся ко мне и снова к Макклюру: – Кроме моего близнеца.

– Понятно, – кивнул Макклюр и поглядел в конец коридора, откуда доносилась музыка. – Мне нужен Клетус, он мне трансмиссию чинил.

Бо выпрямился.

– А что, с ней что-то не так?

Бо, Дуэйн и их старший брат Клетус владели собственной автомастерской; отсюда и синий замасленный комбинезон, в котором он щеголял.

Когда я росла, большинство приезжавших в Грин-Вэллей с трудом запоминали имена многочисленных Уинстонов, поэтому я наивно описывала семейство следующим образом.

У старшего, Джетро, каштановые волосы и добрые зелено-карие глаза, которые иногда кажутся почти серыми. Если он решит угнать вашу машину и/или бумажник, то, скорее всего, ослепит вас улыбкой.

Второй в семье – Билли, темный шатен с удивительными голубыми глазами. Он самый серьезный и ответственный (и самый вспыльчивый) из Уинстонов.

Дальше Клетус – ниже братьев, с каштановой бородой и оливково-зелеными глазами. Его легко отличить от Джетро, потому что он не так часто улыбается и борода у него длиннее. Вместо того чтобы угнать вашу машину, он скорее разберет ваш тостер и расскажет, как он устроен. Клетус всегда был странным – милый, но с бзиком. Например, два месяца назад он начал ходить ко мне на уроки высшей математики – договорился с директором школы и получил разрешение учиться до конца года.

Следующая – Эшли. Она выглядит точь-в-точь как Билли, если бы тот был девушкой и собирался победить в конкурсе красоты.

Затем идут близнецы Бо и Дуэйн, рыжебородые и голубоглазые. Фиг их различишь, когда молчат, но если заговорят, то Бо любезнее.

А младшенький у них Роско. Это смесь Джетро и Билли – широкая улыбка и серьезная натура, а еще он невероятный бабник (по крайней мере, был четыре года назад).

Мистер Макклор покачал головой:

– Нет-нет, с джипом все в порядке. Речь о нашей старой пожарной красненькой машинке. Клетус помогает мне вернуть старушку к жизни для рождественского парада.

– А-а, понял. Клетус играет на банджо. – Бо показал боль-

шим пальцем себе за плечо. – Джем-сейшен пока скромный – должно быть, зрители пережидают время выпрашивания конфет, спрятавшись в домах.

Мистер Макклор взглянул в указанном направлении.

– Пойду тогда там посижу, дождусь перерыва. – Он дружески улыбнулся нам с Клэр: – Девочки, буду счастлив вас сопровождать.

Клэр кивнула, но, прежде чем она ответила за нас обеих, Бо молниеносно схватил меня за локоть.

– Клэр, ты иди, – сказал он, мягким, но властным движением оттянув меня от лучшей подруги. – А я еще поболтаю с Джесс.

Не дав нам опомниться, он крепко взял меня за руку и зашагал к переделанной школьной столовой, ведя меня на буксире. Я была настолько шокирована близостью его кожи и электрическими разрядами, пробежавшими по руке к плечу, что молча тащилась за ним.

Мне очень нравилось чувствовать Бо. Я немного боялась не справиться с собой и залезть на него, как на пальму. Мне хотелось прижиматься к нему, гладить и тереться. Он был безумно притягателен.

Мы пробирались через толпу, а я старалась навсегда запомнить ощущение его ладони, сжимающей мои пальцы. Мне было трудно дышать – живот угрожал взорваться от подозрительно любвеобильных бабочек. С нами здоровались – и с Бо, и со мной, но мы не останавливались поболтать. Я

стала тенью Бо, пока он вел меня к фуршету, и страшилась стола, потому что там он, наверное, меня отпустит. К моему удивлению, мы прошли мимо. Бо не оглянулся, когда мы обогнули другой стол, с лимонадом и сладким чаем, и направились к занавесу, полностью закрывавшему одну стену и маленькую лестницу на сцену (сцена, соответственно, тоже была скрыта). Бо не сбавил шаг, пока мы взбежали по ступенькам и пересекали сцену; он тянул меня за собой, пока мы не оказались за кулисами, под надежной защитой плотного занавеса и выступа стены.

Глаза не сразу привыкли к полумраку. Где мы и как здесь оказались, не говоря уже о том, с кем я тут нахожусь? Единственная лампочка едва рассеивала темноту, и я чуть не упала, запутавшись в собственных ногах, но Бо обернулся, внезапно положил руки мне на бедра и прижал к стене.

За спиной ощущался твердый бетон, а спереди надо мной возвышался Бо со всей своей героической красотой – нас разделяли какие-то сантиметры. Я не могла оторваться от его блестящих глаз. Здесь, и только здесь он наконец остановился.

Я была в полном замешательстве – к состоянию моих чувств подойдет слово «сумбурные». Происходящее смахивало на музыкальный клип с романтическим видеорядом (я забыла сказать, что мои мечтания чаще всего напоминали клипы вроде «Поспеши, поспеши» Полы Абдул³, те самые,

³ Paula Abdul – Rush, Rush (Прим. ред.).

с размывающими фильтрами, которые затушевывали любые несовершенства). Я могла лишь немота тарашиться на моего кумира снизу вверх.

Бо наклонился – и врезался лбом в край моей шляпы. Нахмурившись, он стянул с меня шляпу вместе с париком и бородой и бросил на пол.

– Мне нравится твой костюм, – доверительно сообщил он, вернув руки на прежнее место и кружа большими пальцами чуть выше моих ягодич, словно ему кто-то дал право трогать меня, как ему вздумается. Жар от его ладоней посылал обжигающие стрелы куда-то в низ живота, по телу пробегала дрожь. – Но шляпа мешает.

Я знаю Бо почти пятнадцать лет, но даже в самых разнуданных мечтах не представляла себе такую сцену. Я не лгла, когда говорила Клэр, что моя влюбленность в Бо – штука сложная. Я представляла, как мы с ним, два супергероя, спасаем людей: видела же я, как он защитил двух малышей от гремучей змеи! А еще его всегда отличало терпение.

В основном мои фантазии были бесполыми грезами юной девицы с развитым чувством обожания.

Но сейчас в Бо не осталось и следа терпения, и он стал очень-очень реальным. Даже в полумраке закулисья его глаза сверкали, как сапфиры, словно в них было по источнику внутреннего света. Я с огорчением подумала о собственных заурядных карих радужках и, как истинная дурочка, начала надеяться, что наши дети унаследуют цвет глаз Бо.

Его руки скользнули вверх легким движением и сбросили плащ с моих плеч. Он отобрал у меня посох, и я смотрела, как бережно Бо поставил его к стене, шаркнув ботинками по деревянному полу.

– Джессика Джеймс, ты бросала на меня пламенные взгляды, которые сложно игнорировать, – сказал он почти с животным урчаньем, подавшись на дюйм ближе.

Я не ответила. Я не знала, что такое пламенные взгляды и как их бросают, но догадалась, что именно мои самопроизвольно воспламенившиеся взгляды ответственны за этот тет-а-тет. Сердце у меня сжалось, а затем подскочило, когда Бо облизнул нижнюю губу и прикусил ее.

Правильно, укуси эту губу!

Я едва сдержала стон.

Я сумасшедше, бешено возбудилась, а я совершенно не умею справляться с подобными чувствами.

Разрыв гимена в тринадцать лет во время катания на лошади, множество поцелуев со случайными парнями ради прикола и практики, несколько ничего не значащих и неинтересных тисканий в старших классах и колледже, пьяное лаконичное совокупление в общежитии с лаборантом кафедры физики в прошлом году – вот и весь список моих похождений.

Честно признаться, ездить на лошади мне нравилось больше, чем садиться верхом на мужчину. По крайней мере, лошадь была жеребцом, а вот лаборант больше походил на шет-

лендского пони – волосатый и маленький.

И сейчас я не понимала, что мы делали. Происходило что-то невероятное. Если бы отец матанализа или Неустрашимая Ингер завели меня за кулисы в городском клубе Грин-Вэллей, сомневаюсь, что меня охватили бы такие противоречивые чувства.

Инстинкт подсказывал хватать Бо и воспользоваться возможностью, прежде чем он поймет свою ошибку и взерошит мне волосы, как двенадцатилетней. Самая безумная часть моего мозга приняла решение поманить Бо опуститься с поцелуями к моей груди. С сосками у меня в жизни ничего особенного не случилось, и я была уверена, что умру счастливой женщиной после того, как Бо Уинстон сотворит с ними нечто фантастическое.

Кстати, о сосках. Я не сознавала, что переложила ладонь Бо с ягодицы себе на грудь, пока горячие искры желания не посыпались от того места, где я прижимала к себе его ладонь. Единственным барьером между нами оставался мой кружевной лифчик и тонкая ткань платья.

Бо уставился на меня, приоткрыв рот от неподдельного удивления; брови буквально подскочили, а зрачки расширились. Я выгнулась – без задней мысли, а просто стараясь сократить расстояние между нашими телами, желая ощутить его твердость.

И тут я узнала, что такое пламенный взгляд.

Потому что он появился в глазах Бо Уинстона.

Я бы назвала его скорее воспламеняющим, но это был первый пылкий взгляд, замеченный мной на себе, и я решила сделать его мерой, по которой буду оценивать прочие пылкие взгляды.

У меня не было времени подумать, по какой шкале измерять пылкость взглядов, – в цельсиях, калориях, ваттах, вольтах или люменах, потому что Бо повел наступление сразу по трем направлениям, вытеснив из моей головы последние мысли и способность рассуждать.

Во-первых, он принялся массировать и ласкать мою грудь, щекоча большим пальцем сосок. Рука Бо казалась ненасытной, шершавой и... фантастической.

Во-вторых, другая рука проскользнула назад, подхватив меня под попу и прижав к... Бо.

В-третьих, он меня поцеловал. Оказалось, Бо Уинстон божественно целуется!

И – о господи – определенные части меня упруго напряглись и ощущались совершенно непривычным образом, посылавшим любовный трепет прямо в живот, наполняя легкие жаром. Я вдруг стала звездой музыкального клипа Бейонсе «Шалунья»⁴ и лихорадочно соображала, как содрать с Бо одежду.

Он стал полновластным хозяином, притиснув меня к стене и запустив руки под платье к кружевному лоскутку, тиская меня за голую задницу. В нем не осталось ничего мягко-

⁴ Beyonce – Naughty Girl (Прим. ред.).

го – он весь состоял из твердых граней и монолитного гранита. А я все гладила и трогала его в горячем угаре, потому что не понимала, что, черт побери, происходит и когда это кончится (надеялась, что никогда). Будто издалека до меня донеслось, как грохнулся на пол мой деревянный посох.

Я всегда думала о Бо как об очень положительном, порядочном парне. Но целовался он как самый непорядочный и нисколько не святой.

Он целовался с опасной и беспощадной алчностью, его рот казался ненасытным и требовательным. Он укусил меня за нижнюю губу и тут же принялся ласкать и гладить пострадавшую плоть языком, одновременно втираясь в меня бедрами. Длина его твердости становилась все больше – это я чувствовала животом.

– Черт, Джесс, – прорычал он и оторвался от моего рта, тяжело дыша.

Он наклонился, чтобы укусить меня за подбородок, лизнуть ухо, оставить засос на мягкой коже, когда одна его рука задрала мое маленькое серое платье, обнажив прикрытые кружевом груди. Пальцы другой руки кружили у края трусиков, но попыток проникнуть под них не делали. Почувствовав его колебание, я вцепилась в Бо, впившись ногтями в плечи и инстинктивно поддав вперед бедрами, желая, чтобы он меня трогал.

Оставшаяся трезвой часть моего мозга говорила мне, что потом я буду смертельно стыдиться своего поведения, но по-

давяющее большинство сознания в данный момент сошло с ума, и здравый смысл проиграл прямые выборы.

В ответ на мои безумства Бо стянул чашечку бюстгальтера, и его влажный рот коснулся моей груди. Шершавый язык ласкал сосок, и мучительный стон родился где-то глубоко в горле Бо. Я задыхалась, потому что это было изумительно.

Дотянувшись до белой футболки, я дернула его поближе и начала бесцеремонно ее срывать. Бо уступил, помогая мне стащить футболку. Мои пальцы нащупали край его трусов и нырнули под резинку. Это было легко, потому что комбинезон держался только на рукавах, завязанных на талии. Рука сомкнулась вокруг его напряженной мужественности, и Бо как-то изумленно вздохнул и прерывисто выдохнул, когда я начала его гладить.

– Господи, – охнул он, снова уставившись мне в глаза. Я ожидала увидеть его замутненный желанием взгляд, но в его глазах отразился шок и даже паника. – Подожди, подожди минуту...

Он схватил меня за запястье, и тут я все поняла. Мы чересчур поспешили, он решил притормозить.

Но безумие не знало тормозов. Безумие требовало скорости, азарта и бешеного, безоглядного, сумасшедшего, страстного секса с Бо Уинстоном. И безумие желало этого прямо сейчас, у стены, за кулисами городского клуба Грин-Вэллей, пока дети ходят по комнатам и выпрашивают конфеты, а миссис Сильвестр делится рецептами маффинов с черни-

кой, не подозревая о бурной эротической сцене по другую сторону занавеса.

Я снова погладила Бо, прильнув к нему грудью, встав на носочки, чтобы укусить в шею. Он сильно задрожал, застонал, инстинктивно поддал бедрами вперед, в мою ладонь, но его пальцы напряглись вокруг моего запястья и попытались вытащить мою руку.

Не поддаваясь, с платьем, задранном до подмышек, я принялась тереться об него, водя большим пальцем по тому, о чем вы подумали. Одновременно я снова повела руку Бо к моим трусам и прижала ее через кружево прямо к центру желания, а сама легонько прикусила его приоткрывшиеся губы.

Бо, с трудом дыша, снова застонал. Глаза у него были крепко зажмурены, словно он пытался отделить себя от того, что происходит, и боролся с собой из последних сил... Словно он терял контроль над собой.

Резко, с внятным стоном, он вынул мою руку из своих трусов и отвернулся, отойдя от меня.

Сперва я ощутила, что мне недостает его тепла, а затем – что прикосновений. Я не пыталась догнать Бо, потому что у меня кружилась голова, путались мысли и прерывалось дыхание. Поэтому я привалилась к стене и прикрыла глаза. Тело вибрировало, протестуя против потери обещанного наполнения. Не знаю, сколько я так стояла, хватая ртом воздух и стараясь осознать, что случилось и почему все кончилось.

Наконец я услышала голос Бо:

– Черт бы все побрал...

Похожий на сдержанный рев, его голос оказался ближе, чем я ожидала.

Я открыла глаза и увидела, что он стоит в нескольких шагах, без футболки, упираясь руками в бока. Его грудь ходила ходуном, пока он старался отдышаться, а взгляд, пройдясь по моему телу, словно примагнитился к полу. Не чувствуя рук, я поправила лифчик и стянула платье-трубу на бедра, не сводя алчных глаз с его мускулистой груди, рельефного пресса и торса атлета.

Я хотела снова к нему прикоснуться.

– Джессика, ну хватит уже так на меня смотреть, – раздраженно попросил Бо. К раздражению примешивалось несомненное отчаянье, и я невольно посмотрела ему в глаза.

Я поразилась, что зубы у него стиснуты, а глаза мечут молнии. Только что упрекнув меня в неподобающих взглядах, несмотря на свои слова и тот факт, что именно он прервал наш лихорадочный ласк-фест, Бо выглядел раздосадованным. В нем словно происходила внутренняя борьба.

Он явно очень, очень меня хотел.

Я смотрела на него, теряясь в догадках. Осознание его желания и событий последних минут наконец-то начало меня нагонять. Бо смотрел, как я плююсь на него. Мой взгляд, несомненно, выражал тревожное ожидание и полную готовность, а свирепое пламя в его глазах металось между откровенным вождением, густо приправленным страстной тос-

кой, и неистовым отчаяньем.

Я молча ждала, и его решимость поколебалась. Глаза уже не метали молнии, а моляще смотрели на меня. Бо по-прежнему тяжело дышал.

Он с усилием шагнул вперед, словно его что-то тянуло, не оставляя выбора, и с губ посыпались слова:

– Джессика, я не тот, кем ты меня считаешь, и я... черт бы все побрал... Я хочу тебя, я всегда тебя хотел, но не могу так поступить, пока ты не знаешь...

– Дуэйн, болван ты этакий, ты тут? – позвал мужской голос где-то слева от меня, и я услышала топот тяжелых ботинок по ступенькам.

Глаза у меня округлились.

Челюсть отвисла.

А голова совершила резкий поворот к тому, кто поднялся на сцену.

Я не боялась, что нас застанут в неподходящий момент. Вообще не боялась. Причина моего неподдельного шока – голос приближавшегося человека. Это был голос Бо.

– Ты тут или где? – Шаги замедлились и стихли, и Бо уточнил: – Тебе, гм... не мешать, что ли?

Меня буквально тряхнуло от внезапной догадки. Ведро со льдом, которое на меня опрокинула реальность, мгновенно остудило пламенные взгляды и горячие чувства, превратив меня в ледяную статую. Я посмотрела на мужчину своей мечты.

Только передо мной стоял не Бо.

Моим спутником не был Бо Уинстон, герой и лучший парень в мире. Нет-нет-нет, не Бо. Это Дуэйн.

Это он только что вытворял фантастические вещи с моими сосками.

Глава 2

*Дорога, проложенная с надеждой, приятнее для
путника, чем дорога, проложенная от отчаяния,
пусть даже их пункт назначения одинаков.
Марион Зиммер Брэдли, «Падение Атлантиды»*

~ Джессика ~

Как только я уставилась на него, Дуэйн вздрогнул, словно получил от меня удар исподтишка, и отвернулся. Я видела, как в одном большом вздохе поднялась и опала его мускулистая грудь, а потом он натянул на себя поднятую с пола футболку.

Откашлявшись, Дуэйн отозвался:

– Да, малость приватности не помешает.

– Кто там с тобой? Тина, что ли? – Ох уж этот глубокий бархатистый смех Бо, и внутри вдруг все болезненно сжалось.

Мне показалось, что меня вот-вот вырвет. Глаза закрылись сами собой, а голова стукнулась затылком о стену. Легкие будто чем-то прижало, не давая вздохнуть. Какая я дура... Мне захотелось, чтобы у ног разверзлась черная дыра и поглотила меня, отправив на другой конец вселенной.

Тина – это, конечно, Тина Паттерсон, подружка Дуэйна. Уже бывшая. Следить за их расставаниями и примирениями означало наживать себе инфаркт. Тина приходилась мне двоюродной сестрой с папиной стороны и лучшей подружкой школьных лет (правда, после школы мы пошли в очень разных направлениях).

– Не твое дело, урод. Проваливай, – ответил Дуэйн брату. Голос его звучал натужно и хрипло. Даже с закрытыми глазами я чувствовала на себе его взгляд.

– Ладно-ладно, как скажешь. Передавай Тине привет, но учти, что через двадцать минут мы уезжаем на Бандитское озеро, – сказал Бо, и тяжелые ботинки загрохотали по лестнице.

В голове началась новая песня – на этот раз радиохедовский «Слизняк»⁵. В жилах образовался лед, а румянец нестерпимого стыда пополз по шее на щеки и выше, до самых корней волос. Скрипнув зубами, я открыла глаза и уставилась на Дуэйна Уинстона.

Если он думал, что раньше я на него бросала пламенные взгляды, то теперь мои глаза источали арктический холод. Я превратилась в ночь на Северном полюсе.

Дуэйн так и стоял подбоченясь и медленно покусывая нижнюю губу, будто пробуя ее на вкус. Так он пробовал на вкус меня. Он упорно разглядывал пол и дышал уже ровнее, хотя еще не перевел дух.

⁵ Radiohead – Creep (Прим. ред.).

У меня мелькнула бредовая мысль, обдав волной стыда и вины: я изменила Бо, предала его. Конечно, это очередная идиотская выдумка – мое безрассудное увлечение Бо изначально было односторонним. Может, я и посмешище, но не в розовых очках.

Тем не менее сжигавшие меня вина, стыд и ярость означали, что мне еще никогда так не хотелось пырнуть и/или настучать кому-то по башке, как мне захотелось пырнуть и/или настучать по башке Дуэйна Уинстона. И я даже не удивилась, когда у меня с языка сорвалось:

– Какая же ты скотина!

Он поднял глаза – сверкающие сапфиры, в которых тень горького удивления едва угадывалась под очередным испепеляющим лучом.

– Смотрите, кто заговорил, – ровно произнес он.

– Что?! В смысле?

– Язык-то, гляжу, развязался, – обвиняюще бросил Дуэйн. Я вообще не понимала, как я могла не узнать этот голос.

Вместо приятного во всех отношениях Бо я отчетливо слышала Дуэйна. Саркастичного, мрачного, резкого Дуэйна.

– За то время, что я здесь, ты не произнесла ни слова – ни когда я оторвал тебя от подруги, ни когда вел через кафетерий, ни когда сюда пришли, ни когда моя рука была у тебя в трусах, а твоя грудь у меня во рту. А теперь – как расколдовали: очнулась!

Господи, как я его ненавидела!

– Какая же ты скотина! – повторила я громче, изо всех сил стараясь не замечать непонятного вихрящегося, гудящего желания, все еще сводившего все внутри. Неутихшую страсть я бросила в топку моего гнева.

– Рад снова видеть прежнюю Джесс. Должен признаться, ты очень складно изменилась в нужных местах, но... – его глаза прожгли на мне дорожку от босоножек до груди, – осталась такой же нахалкой, как раньше.

Я прынула вперед и толкнула его в грудь.

– Лживый козел! Я думала, ты – Бо!

Прежде чем я успела выцарапать ему глаза, Дуэйн поймал меня за запястья и повел обратно к стене, удерживая мои руки над головой. Он навалился на меня всем телом, не давая двинуться. Я попыталась ударить его коленом в пах, но он проворно отступил в сторону и прижал мои ноги к стене.

– Нет уж, принцесса, такого нам не надо.

Столь неудачная позиция означала, что его впечатляющая эрекция вдавилась мне в живот, а мои груди распластались о его пресс. И снова странное вибрирующее желание вихрем поднялось во мне, и я сжала зубы, чтобы не начать тереться о Дуэйна. Наши взгляды пересеклись. Он смотрел на меня по-прежнему горячо, но горячность сдерживалась чем-то похожим на презрение, приправленное горечью.

– Чтоб тебе на гнездо шершней наступить и сдохнуть от передоза ацетилхолина, – прошипела я.

– Умешь ты делать комплименты.

– Отпусти меня!

– Не отпускай, пока не успокоишься.

Это прозвучало невыносимо менторски.

– Успокоиться? Успокоиться?! – заорала я.

Еще никогда меня так не доводили, и я не представляла, как прийти в себя. Может, я уже никогда не успокоюсь и проведу остаток жизни в теле невысокого светловолосого Халка (Женщины-Халка, после ее трансформации из адвокатши)! Мне хотелось крушить все подряд, начав с Дуэйна Уинстона.

– Да. Успокойся.

– Я НИКОГДА НЕ УСПОКОЮСЬ!!! – завопила я в лицо Дуэйну.

– ТОГДА БУДЕМ ЗДЕСЬ СТОЯТЬ ДО СКОНЧАНИЯ ВЕКОВ! – рявкнул Дуэйн мне в лицо.

Я зверем смотрела на него. Он зверем смотрел на меня. Вокруг образовалась эмоциональная воронка, грозившая утянуть нас за собой. Я ужасно ненавидела Дуэйна, но какая-то незначительная (и явно психически больная) часть сознания испытывала облегчение от того, что его вывели на чистую воду.

Дуэйн никогда не пробуждал во мне восторженных мечтаний, потому что он по жизни не герой. Дуэйн лишал меня дара речи, но только потому, что доводил до исступления. Он не кумир и не совершенство, он вполне земной и плотский. А еще он надменная сволочь. Да, он непозволительно

красив, но еще он любит спорить и нарываться на скандал.

Тем не менее мною явно руководила обезумевшая часть моего мозга, потому что я страшно хотела, чтобы он снова начал меня целовать. Целовать, трогать, тянуть за волосы и покусывать самые мягкие части моего тела. Я страстно хотела его ненасытных губ и ловких пальцев.

Я хотела Дуэйна.

Его зрачки, окончательно разблестевшиеся от гнева, сузились, взгляд то и дело притягивался к моим губам. У меня даже мелькнула мысль – может, Дуэйн читает мои мысли? Неужели я по-прежнему невольно бросаю на него пыльные взгляды? Попутно я удивилась несправедливости судьбы: такие красивые, яркие, блестящие, завораживающие глаза – да вот достались же Сатане!

– Ненавижу тебя, – прошептала я с яростью.

Хватка Дуэйна едва заметно ослабла, и большой палец погладил мне кожу с внутренней стороны запястья. По мне пробежала дрожь, и я возненавидела себя за эту невольную реакцию.

Он приподнял бровь и тихо прошептал:

– Я тоже ненавижу тебя, Джесс. Я тебя так ненавижу...

Отчего-то мое дыхание участилось. Окончательно запутав дело, прекрасные глаза Дуэйна не отрывались от моего рта, и его губы медленно-медленно приближались к моим. Будто их что-то притягивало. Будто они у нас намагничены, наши губы. Я приподняла голову...

И тут Дуэйн выпрямился. И я опять ощутила потерю его тепла, но на этот раз он словно столкнул меня с моста: я падала в пустоту. Голубые глаза, уже не затуманенные желанием, стали насмешливыми и равнодушными.

Он пожал плечами, сунул руки в карманы и криво улыбнулся:

– Ты что, забыла? Я не Бо.

Я оттолкнулась от стены, выпрямила спину, встала устойчивее и ответила:

– Конечно, ты не Бо. Ему не приходится притворяться тобой, чтобы мне понравиться.

Дуэйн еле заметно вздрогнул – если бы я в тот момент моргнула, я бы ничего не заметила. На виске у него дернулся мускул, взгляд стал жестче. Он явно готовился бросить мне новое оскорбление, поэтому я нагнулась и подобрала с пола бороду, посох и шляпу. Скрученный плащ повис за плечами. Я собиралась уйти от Дуэйна как можно быстрее и как можно дальше.

– Знаешь, это все ерунда, забудь. Иди куда хочешь и оставь меня в покое. – Я отвернулась, сунув посох под мышку, и успела сделать три шага к занавесу, прежде чем рука Дуэйна ухватила меня за запястье.

– Ты что?! – прошипел он.

Я попыталась вырвать руку, но Дуэйн только крепче стиснул пальцы.

– Ухожу.

– Только не этой дорогой!

Я фыркнула, не оборачиваясь:

– Это еще почему?

Не отвечая, Дуэйн развернул меня к себе и взял за руку.

Я тут же вырвалась.

Тогда он притянул меня к себе и оттеснил от лестницы, уставившись на меня с угрозой и еле сдерживаемой яростью:

– Слушай, принцесса, скорее всего, братья меня поджидают у занавеса. Если выйдем – нас увидят. Вместе. И Бо тоже увидит. Дошло теперь?

Я нахмурилась, обдумывая это нелюбезное заявление, и нехотя кивнула. Придется принять помощь Дуэйна, чтобы не попасться никому на глаза.

– Тогда как отсюда выбраться?

– Иди за мной. – Он попытался снова взять меня за руку, но я убрала их себе за спину и отступила. Дуэйн бросил на меня испепеляющий взгляд.

– А вот за ручку меня водить не надо. – Я запахнула плащ, скрестила руки на груди и с вызовом приподняла подбородок: – Показывай дорогу... Дуэйн!

Его глаза словно потухли, взгляд стал отстраненным и замкнутым. Отчего-то у меня все внутри сжалось от непонятного раскаянья.

Спустя несколько бесконечных секунд Дуэйн сглотнул и сипло ответил:

– Как скажешь, принцесса.

Отвернувшись, он направился к какому-то незаметному выходу – лениво, уверенно и чертовски сексуально.

Поколебавшись, я нехотя двинулась за ним, невольно восхищаясь его задницей, широкими сильными плечами, тем, как красиво талия переходит в бедра, и походкой.

Из головы все не выходили его изумительные поцелуи, божественные шершавые руки на моем теле и горячие губы на моей коже. Я гнала от себя эти воспоминания, но на смену им тут же являлись другие – как чудесно было трогать *его*, длинный, гладкий, напряженный и толстый, и как близка я была к тому, чтобы почувствовать его внутри себя. Я прикусила губу, чтобы сдержать жалобный стон, чувствуя, что начинаю задыхаться и едва не падаю в обморок при одной мысли об этом.

Несмотря на всю мою неприязнь, я понимала – секс с Дуэйном не сравнится ни с чем, что я испытала в своей жизни. Это не шетлендский пони, а настоящий жеребец. И тогда я возненавидела себя за то, что по-прежнему хочу Дуэйна. Я совершенно запуталась.

Хуже всего, что теперь мне придется забыть, что Дуэйн Уинстон вытворял с моими сосками.

* * *

Вынырнув из-под капота моего *Ford*, Клетус Уинстон почесал бороду, взглянул на меня – я встревоженно топталась

у открытой дверцы – и изрек:

– Критическая неисправность.

Я часто заморгала:

– Что?

– Мотор накрылся.

Поперхнувшись от неожиданности, я проговорила:

– Мне это не нравится.

– Чему ж тут нравится, когда мотор не пашет, – согласился Клетус Уинстон.

Я прыгала с ноги на ногу, стараясь не стучать зубами. Было уже десять вечера, на улице – лютый холод, а я в костюме сексуального Гэндальфа. Не сомневаюсь, мои соски затвердели, как мороженный горох, придавая грудям сходство с передними фарами. К чести Клетуса, он не заинтересовался моими оригинальными «запчастями».

– И что мне делать? – поинтересовалась я, поморщившись от собственного жалобного голоса (начали сказываться недавние события).

Когда Дуэйн вывел меня со сцены через служебный выход, я, не оглядываясь, кинулась бежать и снова вошла в городской клуб через главный вход, тут же попавшись на глаза отцу и брату, неодобрительно сверлящих взглядами мой чересчур открытый наряд.

Я обрадовалась возможности переключиться, потому что тело упорно требовало вернуть ощущение рук и губ Дуэйна. Остаток вечера я дрожала как в лихорадке, стараясь не об-

ращать на это внимания, и не находила себе места.

Мне удалось эффектно отбиться от вопросов Клэр, я мило пообщалась с родителями учеников (несмотря на выбор костюма) и смогла избежать встречи одновременно с Бо и Дуэйнном. Правда, если вспомнить слова Бо о Бандитском озере, Уинстоны покинули клуб еще до того, как я улизнула со сцены. Дуэйн наверняка уехал с Тиной, бросая на нее пламенные взгляды и осыпая поцелуями...

Бр-р-р-р!

Я потрясла головой, чтобы прогнать странные, смутные размышления о Дуэйне, который меня совершенно не интересовал, и попробовала сосредоточиться на чем-нибудь отвлеченном. На чем угодно.

Я даже высидела соло на банджо Клетуса Уинстона, урезавшего неплохую, кстати, кантри-версию «Триллера» Майкла Джексона⁶.

Но я устала, в голове все путалось, я устала оттого, что в голове все путалось, и в довершение всего автомобильный монстр не пожелал заводиться. К счастью, когда я уже хотела махнуть рукой, мимо прошел Клетус с футляром банджо под мышкой.

Он узнал меня на водительском сиденье и остановился. Не спрашивая ни о чем, он велел мне открыть капот, достал фонарик из кармана брюк и на некоторое время исчез в недрах *Ford*.

⁶ Michael Jackson – Thriller (Прим. ред.).

Сейчас Клетус стоял и качал головой, скептически приподняв уголок сжатого рта.

– Обрыв ремня ГРМ, и мотор под замену.

– Мотор под замену? – тупо повторила я.

– И ремень ГРМ.

Воздух вылетел из моих легких с тихим шипеньем, и я пошатнулась. У меня закружилась голова – в основном потому, что перед глазами залетали символы доллара. Я не могла себе позволить ни новый мотор, ни новую машину – на мне кредит на обучение. Новый автомобиль неминуемо отодвинет мои планы уехать в путешествие.

Клетус сразу оказался рядом и подхватил меня за талию.

Он, должно быть, понял, что я вот-вот упаду, потому что поймал меня на руки и сказал:

– Кладите мое банджо себе на колени.

– Что? – Я уставилась на его каштановую бороду с абсолютно серьезным взглядом.

– Вам придется взять мое банджо. Я не могу нести сразу и вас, и инструмент, разве что через плечо вас перекину. Но это будет непродуктивно, потому что юбка у вас очень короткая и уже задралась выше бедер.

Я поглядела на свои ноги и обнаружила, что это еще мягко сказано. Плащ я уже сняла – вместе с бородой, шляпой и посохом он лежал в тачке, поэтому я фактически освещала темную парковку сами понимаете каким светилом.

– Ой, прошу прощения. – Я тряхнула головой, чтобы при-

вести в порядок мысли. – Ты меня вот что, поставь.

Клетус сгрузил меня, но не отошел:

– Ваш папа уже уехал?

Я кивнула. У отца с братом дежурство, я не собиралась звонить им с просьбой меня подвезти.

– Жаль. Я хотел с ним поговорить об автомате для сортировки почты в отделении полиции – подошел срок планового обслуживания. Вы не знаете, у них еще не начались проблемы с сортировщиком?

Перескакивать с темы на тему было вполне в духе Клетуса, и я покачала головой, не зная, о чем он говорит.

– Прости, я не знаю.

– Хм... А ваша матушка?

– Мама у тетки Луизы в Техасе. У тетки нашли рак, поэтому я не знаю, сколько мама там пробудет...

Вовсю «продавая дрожжи», я с горечью поглядела на свой автомобильный монстр.

Тетка Луиза никогда не была замужем и не обзавелась детьми. Последние пятнадцать лет она жила одна в огромном доме на конском ранчо в Техасе. Мы с мамой навещали ее каждое лето, а в колледже я жила у тетки все летние месяцы, составляя ей компанию и помогая по хозяйству. Иногда Луиза приезжала к нам на Рождество.

Тетка принадлежала к тому типу людей, которые предпочитают держать дистанцию; я провела у нее довольно много времени, но все равно не могу сказать, что я ее знаю. Однако

мама с теткой Луизой всегда были очень близки.

Клетус вздохнул и, не убирая руку с моей талии, подвел нас обоих к банджо и подхватил футляр.

– Делать нечего, поедете со мной. У вас свитер или пальто есть?

– Не надо, Клетус, я не хочу быть обузой...

Рука на талии стала чуть крепче.

– Ерунда, вы не обуза. Но я должен кое-куда заехать, прежде чем отвезу вас домой. Так найдется у вас верхняя одежда?

– В *Ford* есть плащ волшебника, – слабо отозвалась я. – Я бы не поехала на этом чудище, если бы знала, что у него мотор на ладан дышит. Я не ожидала, что он накроется.

– А они практически не ломаются, – пробурчал Клетус, ногой захлопывая дверцу и прислонив меня к ней. – Постойте, – велел он, снова поставил футляр с банджо на асфальт, снял свою красно-черную фланелевую куртку и подал мне.

Я хотела отвести его руку, но что-то в невозмутимо-серьезной mine Клетуса Уинстона подсказывало не спорить.

– Спасибо, Клетус.

– Пожалуйста, мисс Джеймс.

Клетус Уинстон был третьим из братьев по возрасту и на шесть-семь лет старше меня.

– А почему не Джессика? – удивилась я.

– Вы моя учительница, это было бы неуважительно. – Клетус сгреб банджо в одну руку, меня в другую и пошел к своей

машине.

– Подожди, – оглянулась я, – я же *Ford* не заперла!

Клетус пожал плечами:

– Я бы особо не нервничал. Если кто-то решит его угнать, им придется сперва установить новый мотор.

* * *

После семнадцатого поворота я сбилась со счета: Клетус ехал в горы, собираясь сперва наведаться к другу, а потом уже подбросить меня домой.

Мы ехали в удивительно приятном и непринужденном молчании: Клетус сосредоточенно вел машину. Человек зарабатывает на автомобилях – они с Бо и Дуэйном находят винтажные классические модели, доводят до ума и продают с хорошей разницей. По словам моего папы, популярность автомастерской братьев Уинстон прямо-таки подскочила в последние годы.

При этом Клетус ездит на *Geo Prizm* девяностого года, выкрашенной в неприметный серый цвет.

В этой тишине я решила обдумать ситуацию с машиной и прийти к какому-то решению, однако девяносто девять процентов мозговых ресурсов отбивались от мыслей о Дуэйне Уинстоне и его языке. У него действительно изумительный язык. В отличие от подавляющего большинства моих поцелуйных партнеров, Дуэйн знал, что делать со своим языком,

и использовал его самым восхитительным образом.

Я удивилась и даже растерялась, когда на вершине горы мы свернули на грунтовую дорогу и Клетус переключился на нейтралку.

– Приехали, – сообщил он, дернув ручной тормоз, – скрип будто подчеркнул его слова. – Вам придется идти со мной. Не знаю, сколько я там пробуду, и не хочу оставлять вас одну в машине.

Пожав плечами, я огляделась – вокруг было темно, хоть глаз выколи. Я не представляла, где мы, и не нашла бы обратной дороги, даже будь на карту поставлена моя жизнь и будущее всего шоколадного на Земле.

– Я отлично посижу в машине – кругом на несколько миль ни души.

– Души-то, может, и нет, – согласился Клетус, мельком взглянув на меня, пока доставал с заднего сиденья большую брезентовую сумку, – а вот медведи в горах бродят. Машина прочная, но медвежьих когтей не выдержит.

Глаза у меня полезли из орбит; я проворно вылезла на грунтовку одновременно с Клетусом и пошла за ним к большому дому, окруженному террасой. Света в окнах не было.

– А чей это дом? – поинтересовалась я, разглядывая красивую белую отделку.

– Дрю Рануса, смотрителя заповедника из округа Колумбии. Они с моим братом Джетро сейчас в походе, в Северной Калифорнии. Вернутся ближе к Рождеству.

– Значит, ты присматриваешь за домом?

Клетус уклончиво пожал плечами и свернул от крыльца в темноту:

– Скорее, присматриваю за двумя людьми, которые должны присматривать за домом.

Я обо что-то споткнулась. Клетус остановился и обернулся. Найдя в темноте мою руку, он сунул мне фонарик.

– Держите, а то у меня сумка, – сказал он, снова подхватывая брезентовую сумку, которую на секунду опустил на землю. – Сделайте доброе дело, освещайте нам дорогу.

У меня было чувство, что Клетус прекрасно видит в темноте и просто придумал предлог, чтобы я воспользовалась фонариком. Благодарно улыбнувшись, я направила луч вперед и с удивлением увидела дощатый настил с перилами.

– А куда он ведет?

– К озеру.

Клетус пошел вперед, грохоча сапогами. Он двигался быстро, а я – осторожно и медленно, пытаюсь освещать себе путь фонариком. Вскоре Клетус оказался футах в двадцати впереди. Настил вел к лестнице, обрывавшейся в черную пустоту.

– А к какому озеру? – уточнила я.

– К Бандитскому, – бросил Клетус через плечо и исчез из виду.

Я замерла, не в силах шевельнуться, и прошептала:

– Бандитское озеро...

Бо и Дуэйн поехали на Бандитское озеро.

Сердце застучало с утроенной скоростью, и, хотя ноги у меня были голые и в босоножках, меня бросило в жар от волнения. Я не знала, что делать, поэтому стояла столбом, светя фонариком в том направлении, где скрылся Клетус. Вперед я идти не решалась и медлила, охваченная досадливым и капризным чувством.

В голове только одна мысль: «Что, если он здесь?» Но я не знала, кого конкретно имею в виду.

Бо или Дуэйна?

Если пойти за Клетусом, я, скорее всего, увижу близнецов Уинстонов. В присутствии одного у меня язык прилипает к небу, а другой... другой...

От шороха позади я подскочила, вырванная из своих раздумий. Из меня вырвался какой-то писк. Все еще разгоряченная, я вздрогнула, и сердце застучало как бешеное. Это мог быть медведь. Это мог быть опоссум. Я попыталась успокоиться, но тут заухала сова, и мой писк перешел в испуганный визг.

Даже близнецы Уинстоны лучше, чем стоять одной во мраке безлунной хеллоуинской ночи посреди безлюдной глуши! Сглотнув ком в горле, я отважилась двинуться вперед и спустилась по ступенькам, задержавшись, лишь чтобы снять босоножки, мешавшие идти достаточно быстро.

Я побежала вперед, подгоняемая ужасом. Каждые несколько секунд мне казалось, что я слышу сзади звук ша-

гов. От этого я летела вперед как оглашенная. Дыхание перехватило, когда я поняла, что должна была уже нагнать Клетуса, однако ступеньки все не кончались. Луч света метался – у меня дрожали руки. Я стиснула зубы, приказав себе успокоиться.

Но тут я снова услышала шаги, и на этот раз не ошиблась: человек или зверь шел за мной и двигался быстрее меня. Паника и ужас раздирали мне легкие, горевшие от холодного воздуха, и я думала только об одном: бежать, бежать как можно дальше!

Я пролетела еще два пролета, слыша, как грохот за спиной становится громче, и готова уже была заорать, но в этот момент чья-то рука зажала мне рот, другая подхватила за талию, и я оказалась в воздухе.

Я рванулась изо всех сил, уронив босоножки и фонарик. Страх заглушил разум, и я, не помня себя, укусила один из пальцев, зажимавших мне рот.

– Черт, больно же! – Твердая грудь, прижимавшаяся к моей спине, загудела, и я узнала голос моего похитителя, принадлежавший либо Дуэйну, либо Бо.

Я замерла.

– Кто вы и что здесь делаете, и почему вы кусаетесь, черт бы вас побрал?

С трудом сглотнув, я закусила губу. Прижатая к говорившему спиной, я по-прежнему висела в воздухе.

Я нерешительно спросила:

– Дуэйн?

Он замер, и я ощутила, как напряжение уходит из его рук. Медленно и осторожно, даже нежно, он поставил меня на землю и развернул к себе. Я едва различала его черты.

– Джессика? – спросил он, придерживая меня за плечи. – Джессика Джеймс?

– Да-да, это... – последнее слово я проглотила.

Колени подогнулись – прилив адреналина начал спадать. Облегчение было безмерным. Несмотря на давнюю взаимную неприязнь и обман с его стороны, на сердце потеплело от этой встречи. Я в жизни не была так счастлива при виде силуэта другого человека!

– Ты в порядке? – Голос его был мягким и встревоженным.

От избытка чувств я бросилась к Дуэйну и обняла его, зарывшись лицом в шею. Я знала, что веду себя как ненормальная, но я целый вечер думала только о нем. Мне нужно было, чтобы он меня обнял, даже если он меня недолюбливает. Он мне нужен.

Он успокаивал меня, поглаживая по спине:

– Все в порядке, Джессика, я тебя держу.

Не знаю, сколько мы так стояли, знаю только, что бесстыдно прильнула к нему всем телом, отчего он засмеялся коротким бархатистым смехом.

И вот когда я уже начала приходить в себя и соображать, что делать дальше, он вдруг произнес:

– Джессика, милая, я не Дуэйн, я Бо.

Едва прозвучали эти слова – прежде чем я успела отреагировать и понять, радость я чувствую или разочарование, – начались вопли.

Глава 3

Не гонитесь за любовью – пусть любовь сама вас найдет. Лучший способ привлечь потенциального партнера – разместить на «Крейгслист»⁷ объявление следующего содержания: «Смазка есть, на переезд согласен».

Джарод Кинц, «Любовные цитаты на все века (от 18 до 81)»

~ Дуэйн ~

Я знаю точно, в какой момент влюбился в Джессику Джеймс, и помню это настолько отчетливо, будто все случилось вчера.

Хотя я не видел ее несколько лет, время и расстояние ничуть не притупили яркость воспоминаний. Неизменность моего отношения к Джессике контрастировала с ее нынешним присутствием в Грин-Вэллей: она будто ускользала от меня.

Мне было шестнадцать, ей – четырнадцать. Я столкнул ее с мостика в реку за нашим домом. Вместо визга и дурацких девчачьих упреков она, падая, схватила меня за ногу и сдержала в воду за собой.

⁷ Популярный американский сайт электронных объявлений (*Прим. пер.*).

Я был в плавках-шортиках, она – в нарядном платье для воскресной школы. Пока мы дрались под водой, Джессика стащила с меня плавки и была такова. Учитывая, что она занималась плаванием с первого класса, в воде она меня превосходила даже одетая в платье.

Она выбралась на берег. Мокрые светлые пряди облепили лицо и спину. Белая ткань платья липла к телу, открывая всю ее юную аппетитную фигурку, и Джессика его сняла. Она всегда была красавицей, но вечно ходила в компании других девчонок. Злой как черт, я побежал за ней, нимало не заботясь о своей наготе.

Я догнал Джессику достаточно быстро – бегал-то я лучше нее – и повалил на землю. Я завел ее руки над головой и разжал ей кулаки. В них ничего не оказалось.

– Где мои шорты? – яростно прошипел я.

Ее тело задрожало под моим: Джессика смеялась. Она так хохотала, что начала задыхаться, и я, помнится, подумал, что она красивая.

Она проговорила:

– Я их на дерево забросила!

Я смотрел, как она помирает со смеху, и невольно улыбнулся сам.

– На дерево? – переспросил я, оценив смекалку.

– Ага, – отозвалась она с широкой улыбкой. – Ты вот ограничиваешься простыми подлянками. А подлянки надо подстраивать изобретательно!

В тот миг это и произошло.

Пока я рос, я видел ее почти каждый день, но не замечал, что она девочка, – я вообще не замечал существования девчонок, пока мне не исполнилось тринадцать. Но было уже поздно – Джессика меня невзлюбила, зато таяла от моего брата. А он ее не замечал. Ну, по крайней мере он не смотрел на нее так, как я.

Да, мы с ней ссорились с самого детства, но ведь так дети ведут себя с безбашенными сверстниками. Я всегда ее выделял, но по-настоящему запал в тот день, когда она зашвырнула мои трусы на дерево.

Сейчас я сидел в двухстах футах от Бандитского озера, глядя на костер, который мы с Бо разожгли несколько часов назад, и откровенно жалел себя. Встав, я тряхнул головой, немного приведя в порядок мысли, и поглядел на свою пустую чашку.

Обычно я брал *Plymouth Road Runner*, чтобы привести в порядок мысли. Если я не лечу по дороге, значит, плетусь пешком, а эта машина создана для скорости. Но у меня не было возможности испытать удачу на горном серпантине, потому что от состояния наклюканности меня отделяла пара порций бурбона.

Я доливал себе, когда меня напугало появление Клетуса на границе круга света от костра: брательник казался висящей в воздухе головой – тело оставалось в тени. Я увидел его первым и чуть не обделался от испуга. Судорожно втянув

воздух, я взвился в воздух фута на три, пролив бурбон.

– Клетус, черт тебя побери! – Я закрыл глаза, стараясь успокоиться.

Тут закричала одна из девушек, затем другая, и вскоре вопили уже все. Я засопел, потому что это раздражало.

Что взять с баб, подумал я. Впрочем, это было слишком грубо – маме бы такое не понравилось... Под левым нижним ребром что-то больно заныло. Ее смерть еще была свежей раной, и я не мог думать об этом без боли.

Я открыл глаза, скрипнул зубами и принялся успокаивать визжащих:

– Это Клетус, мой брат. Тина, слушай меня. Тина, это Клетус.

Тина продолжала вопить, пока я не зажал ей рот ладонью. Круглыми от ужаса карими глазами она пялилась на моего старшего брата. Когда я убедился, что она больше не заорет, я убрал руку.

– Клетус? – повторила она, как попугай, и нахмурилась. Ее лицо обрамлял черно-желтый парик, а груди норовили выпасть из выреза костюма сексуальной пчелы, пока Тина старалась отдышаться.

– Да, Клетус, Клетус.

Я взглянул на брата. Он отнюдь не способствовал разрядке ситуации, остановившись в темноте, а физиономию сунув к свету костра. Глаза у него были неестественно вытарашены. Я сжал челюсти, чтобы не рассмеяться: Клетус, видимо,

был в своей черной водолазке, потому что реально выглядел, как голова без тела.

Другие парни тоже повскакали, но уже пришли в себя от испуга и подошли поздороваться с Клетусом.

Всего у нас собралось около двадцати пяти человек, почти поровну парней и девушек. Праздничный костер был идеей Бо, и он же обещал не приглашать много народу. Двадцать пять – настоящая толпа. В моем настроении я предпочел бы пятерых-шестерых... или вообще никого...

Тина обняла меня, прижалась и захихикала мне в грудь. Она выпила уже две лишние стопки и бесила меня до безумия.

– Дуэйн, милый, обними меня, а то я испугалась!

Я обнял ее за плечи – в основном чтобы не грохнулась в костер (тогда прости-прощай, хороший вечер) – и повел к одеялу. Мое намерение отлепить от себя Тину встретилось с непредвиденными сложностями: она будто отрастила себе две лишние руки. Едва я отклеивал от себя одну, за меня хватались другие. Я не сразу осознал, что Тина забралась на меня с ногами.

Мы с Тиной встречались (периодически) уже пять лет. Я распрощался с ней раз и навсегда четыре месяца назад и с тех пор с ней не пересекался.

– Хватит, Тина. – Я отстранился, проклиная про себя Бо за то, что тот вообще ее пригласил.

Если подумать, то пять лет с Тиной – это на четыре го-

да и одиннадцать месяцев дольше, чем нужно. Она никогда не была моей девушкой, но ей нравилось всем рассказывать, что это так. Конечно, она ничего, даже красивая. Ее отличала бездумная непосредственность, которая забавляет первые минут десять, фигура экзотической танцовщицы (Тина работает стриптизершей) и неистощимый энтузиазм в смысле потрахаться.

Но больше между нами ничего и не было – только, культурно выражаясь, секс.

А пять лет секса с ней – более чем достаточно.

Внешностью Тину бог не обидел, но вот умом обделил. Она неглупая, но совершенно дремучая. Я ни о чем не мог с ней поговорить, потому что она ничего не знала, кроме городских слухов, байкерских сплетен, фигур на шесте и как раздвигать ноги.

Черт побери, я готов был пристрелить эту лошадь еще четыре года назад, но Тина стала дурной привычкой. Ее не надо было уговаривать, она была мягкой в нужных местах и упертой по характеру. И мне никак не удавалось ее спровадить.

До прошлого июля.

Когда я узнал от Джексона Джеймса, что его сестра возвращается в Грин-Вэллей.

Твердой рукой мне наконец удалось отцепить от себя когти Тины, усадив ее на одеяло.

– Сиди тут, – велел я и обошел освещенный костром круг, чтобы поздороваться с братом, бросив по пути бумажный

стаканчик в пламя.

Карабканье Тины помогло протрезветь. Я слышал, как она меня зовет, но не обернулся. Я хотел остановиться за две порции до нормы, тем более что я был малость выбит из колеи недавними событиями.

– Это я, твой брат Клетус, – зачем-то сказал тот по своему обыкновению и поставил у ног брезентовую сумку.

Губы у меня против воли растянулись в улыбке. Клетус действительно был в черной водолазке и таких же штанах.

– С нами посидишь?

– Нет, я вам тут привез то, что Бо заказывал.

Я пригляделся к Клетусу. По-моему, он замерз.

– Не хочешь погреться у костра, а потом уже поехать?

– Ну, разве что недолго.

– А где твоя куртка?

– Куртку я отдал леди, нуждавшейся в помощи. Она сейчас подойдет.

Я не успел расспросить подробнее – Клетус кивнул на собравшихся:

– А кто все эти люди?

– В основном приятели Бо. – Я оглядел незнакомые лица. – Ты же его знаешь, у него друзей больше, чем листьев на дереве. Одни из Мерривилля, другие из Кейдс-Ков.

В этот момент глаза Клетуса явно нашли Тину, потому что выражение в них появилось самое злое.

– А что она здесь делает? Ты снова с ней, что ли?

– Нет, – честно ответил я, невольно содрогнувшись. – Ни за что.

Он кивнул, бросив с не свойственной ему неприязнью:

– Вот и хорошо, потому что она чокнутая стерва.

У меня не было и трех секунд осмыслить или хотя бы удивиться словам Клетуса, потому что к костру вышел Бо, и внимание всех обратилось на него и девушку, которую он обнимал за плечи.

Если слова Клетуса меня удивили, то от вида Джессики Джеймс под мышкой у моего близнеца я едва не сел на задницу.

Время остановилось. Я не мог вздохнуть. Перед глазами все заволкло красной пеленой, в горле и груди жгло. Мне остро захотелось кому-нибудь врезать или что-нибудь разбить.

– Что за хрень... – вырвалось у меня и отозвалось нешуточной болью во мне. К счастью, меня услышал только Клетус.

– А, да, критическая неисправность, – кивнул он на Джессику, будто бы представляя ее присутствующим. – Я подвожу мисс Джеймс до дома.

Я развернулся к Клетусу и рявкнул:

– Как понять – ты ее до дома подвозишь?!

Клетус прищурился и, не скрываясь, принялся меня рассматривать. Терпеть этого не могу. Клетус всех насквозь видит. Я отвел глаза, но тут же пожалел об этом: на меня в упор

смотрела Джессика. Воспоминания о ее обнаженных грудях и пламенных взглядах, о том, как она сама поднесла мою руку к своим кружевным труселям, ожили перед моим мысленным взором.

Я сглотнул, чтобы не застонать, и порадовался, что успел переодеться в джинсы, потому что, черт бы все побрал, у меня моментально встал. И снова в животе все свело, и дыхание перехватило. Я старался не поддаваться, но меня просто затягивало. Ее рот, глаза, тело – моя наживка. Джессика не просто красивая, она как магнит.

Я не хотел, чтобы в городском клубе дело зашло слишком далеко; у меня не было такого намерения. Я хотел сорвать поцелуй – всего лишь один поцелуй; обманом увести ее за кулисы было спонтанным решением. Вообще для меня спонтанность – вещь запредельная. Я предпочитаю знать, чего ожидать. Я люблю определенность и тщательное планирование.

Но я хотел еще раз почувствовать прикосновение ее губ. Наши неистовые поцелуи свели меня с ума. Я не гнал это воспоминание, потому что с Джессикой я всегда мечтал о большем, чем просто секс.

Пока она думала, что я Бо, ее большие карие глаза были доверчивыми и обожающими. На меня она так никогда не смотрела. От этого взгляда невозможно было оторваться. Я хотел, чтобы Джессика снова смотрела на меня вот так, но мои и без того призрачные шансы сошли на нет. Надо

было проявить терпение, а теперь придется расплачиваться. Я несколько месяцев репетировал речь, дожидаясь подходящего момента, и все продул ради одного поцелуя, хотя надо признать – оно того стоило.

Кожа у нее мягкая, как лепесток или шелк. Память о прикосновениях, вкусе и объятьях с Джессикой вместе с ее пылким ответом на мои ухаживания была еще свежа – как и лишаящая дыхания боль ее отказа.

Я не винил ее в том, что она меня ненавидит. Совсем не винил. Сегодняшняя встреча, наверное, останется единственной, когда Джессика проявила ко мне что-то похожее на симпатию. Оглядываясь назад, я готов признать, что она никогда не замечала Дуэйна Уинстона.

И я не жалел, что обманул ее.

Я сжал кулаки и усилием воли прекратил думать о ней, но все равно не мог оторвать взгляд от ее губ. Рот у нее был немного асимметричный – один уголок выше другого, но это маленькое несовершенство лишь добавляло ей очарования. Джессика словно думала о какой-то тайной шутке и сдерживала смех.

Мой взгляд самовольно опустился на ее шею, и я с трудом отвел взгляд. Если я посмотрю хоть немного ниже, я снова начну представлять Джессику голой, а этой пытки мне не надо. Поэтому я снова посмотрю ей в глаза.

Она уже не смотрела на меня доверчиво. Я не мог понять выражение ее лица, не сулившее, по-моему, ничего хороше-

го.

Я уставился на нее оловянными глазами, не желая, чтобы Джессика догадалась, что она со мной сделала. Я запутался в ее паутине, а Джессика, к моей досаде, об этом даже не догадывалась. А если и догадывалась, то ей было наплевать.

От этих мыслей на душе стало горько, и я пожалел, что выбросил свой стаканчик.

– Так, ребята, большинство из вас ее хорошо знает, а для тех, кто не в курсе, – это Джессика Джеймс, – объявил Бо, обаятельный, как всегда.

Он взглянул на Джессику сверху вниз, и она оторвалась от меня, чтобы поглядеть на моего брата. Бо улыбнулся. Джессика ответила улыбкой, но как-то робко. У меня возникло такое чувство, будто я наглotalся камней.

– Джессика, а это... ребята.

Все приветственно помахали. Некоторые поднялись и подошли поздороваться. Тина тоже вскочила, и я смутно припомнил, что они родственницы – двоюродные сестры, что ли.

Но я мог только стоять столбом и смотреть. Я будто прирос к месту и даже пустил корни. Я не мог отвести от нее взгляд. На Джессике была мужская куртка – я предположил, что Клетуса, – но длинные стройные ноги были обнажены до самых бедер, она была босая.

– А мы, пожалуй, останемся ненадолго, – заявил вдруг Клетус.

– Прекрасно, – отозвался я, удивившись, что у меня вы-

рвалось какое-то рычание.

– Отлично.

– Ну и ладно.

– Превосходно. – Клетус потер ладони, внешне само спокойствие и даже скука. Но я знал брата достаточно хорошо, чтобы понять, что к чему. Раз он потирает ладошки, значит, едва не скачет от радости. Мои подозрения подтвердились, когда Клетус добавил: – А давайте все сыграем в игру!

Желание кому-нибудь врезать у меня еще не прошло, а Клетус, между прочим, стоял ближе всех.

– Слушай, Бо, – не обращая внимания на мой тяжелый взгляд, Клетус шагнул вперед: – Дуэйн у нас большой поклонник игры «Правда или действие»!

Я поморщился, скрипнув зубами. Некоторые из гостей с энтузиазмом поддержали это идиотское предложение. Джессике вручили бумажный стаканчик, а сидевшие у костра сгрудились плотнее и принялись наперебой делиться откровениями, как непрошеными советами.

Я отошел в сторону и сел, подтянув колени к груди. Я невольно следил за Бо с Джессикой. Всякий раз, когда она ему улыбалась, на мои раны будто сыпали соль – или мне в нос тыкали горячей кочергой.

Они сидели рядом, Бо обнимал ее за плечи, и они с Джессикой над чем-то смеялись. Я готов был выцарапать себе глаза.

Когда я решил, что с меня хватит и пора погонять по шос-

се, Тина повернулась ко мне и промурчала:

– Дуэйн, милый, правда или действие?

Она метнула на меня соблазнительный взгляд и игриво сунула в рот указательный палец. Мне было фиолетово.

Я пожал плечами:

– Я не играю.

– Как это, ты же сам предложил, – надулась Тина и оглядела собравшихся в поисках поддержки.

Я невольно поморщился и услышал собственный голос:

– Прекрасно. Действие.

Большинство игроков выбирали правду, но я всегда предпочитал действие.

Мне с детства не доставало здорового страха перед опасностью. Я прыгал с тарзанки, участвовал в гонках за лидерство, прыгал с парашютом, однако ничто не подстегнуло во мне усиленную выработку адреналина. Чем рискованнее ситуация, тем хладнокровнее я становился. Я не представлял, что может меня испугать, да и смутить меня довольно непросто.

Однако перспектива говорить правду о себе перед Джессикой меня ужаснула.

Тина взвизгнула, как поросенок, и захлопала в ладоши.

– Класс! Я так и знала, что ты выберешь действие! Приказываю тебе подойти и поцеловать меня.

Кто-то – не иначе, идиот – подал голос:

– А можно я за него?

Я чуть не подавился от отвращения и снова взглянул на Джессику – не знаю почему. Какая-то часть меня – видимо, самая безбашенная, которой нравилось чувствовать себя дерьмом, – хотела увидеть ее реакцию или отсутствие таковой.

К моему удивлению, Джессика смотрела не на Бо, а на Тину, причем смотрела так, будто готова была закопать ее живьем. Испепеляющий взгляд в сочетании с ледяным холодом застали меня врасплох. Целовать Тину показалось не так противно.

– Хорошо, – в тон ей протянул я.

Джессика тут же поглядела на меня. Она не успела овладеть собой, и глаза ее были несчастными и шокированными. А еще, если не ошибаюсь, я разглядел в них ревность. Приободрившись от вероятности, что Джесс не все равно, кого я целую, я встал и прошел через толпу, опустившись на колени перед Тиной.

Надо было что-то решать.

Я мог чмокнуть ее в щеку, и игра бы продолжалась.

Или же можно было поцеловать Тину так, как я хотел целовать Джесс. Воспользоваться ситуацией и вытолкнуть Джессику за пределы ее зоны комфорта, спровоцировав какую-то реакцию. Чтобы у меня появилась надежда.

Приняв решение, я схватил Тину за шею и поцеловал так, что она задохнулась.

Делать вид, что Тина Паттерсон – это Джессика Джеймс,

все равно что убедить себя, что тофу – это стейк. Несмотря на несхожесть в качестве, текстуре и вкусе, я не спасовал перед трудностями, но ненароком наткнулся на такую накопившуюся сексуальную неудовлетворенность, что пришлось придержать руки Тины, потянувшиеся к моему члену.

Гости сперва подбадривали меня и подзуживали, но вскоре затихли, и я расслышал, как кто-то из девушек прошептал:

– Ого, вот этот парень умеет целоваться!

А другая добавила:

– Напомни мне мою очередь потратить на Дуэйна!

Закончив поцелуй, я поднял глаза на Джесс, и то, что я увидел, снова обожгло меня как огнем (на этот раз в хорошем смысле).

Она мерила меня убийственным взглядом и сидела вся красная. Обычная чарующая усмешка сменилась нешуточной хмуростью. А еще в ее глазах читалась страсть.

Я утер рот и встал, не опуская взгляд. Обалдевшая Тина осталась сидеть на одеяле.

– Твоя очередь, Дуэйн, – нарушил тишину Клетус. В его голосе слышалось веселье – ну, насколько Клетус вообще способен веселиться. – Выбирай любого, кого хочешь!

Я кивнул, не отрывая взгляда от Джессики, и скрипнул зубами, собирая волю в кулак. Мозг закончил самонаведение на цель. Задача требовала отваги и была сопряжена с риском публичного отказа.

– Джессика.

Ее имя вылетело у меня слишком громко.

Мне отчего-то пришло в голову, что достаточно прошептать ее имя, и она все равно услышит меня, где бы ни находилась.

– Правда или действие? – спросил я.

Джессика прищурилась. Даже под плотной курткой я видел, как поднимается ее грудь от частого дыхания. Чтобы не осталось никаких неясностей, я многозначительно показал взглядом на Бо, надеясь, что Джессика разглядит в этом взгляде скрытую угрозу и не станет признаваться в своих чувствах к нему.

Угрозу эту я бы, разумеется, не выполнил – для этого надо быть законченным идиотом. Если бы Бо о чем-то догадывался, он бы такую девушку не упустил. Плюс это было бы предательством, а я не хотел предавать Джессику. Я хотел ее лелеять.

– Действие, – ответила она так, будто это она меня выбрала, а не я ее.

Не выдав своего облегчения, я позволил себе усмешку:

– Действие? Ну, хорошо, пусть будет так.

Я снова прошел через толпу гостей и встал на колени на одеяло, на этот раз возле Джессики. Она сидела мило взъерошенная, не скрывая своей ярости.

– Приказываю тебе купаться со мной голой в Бандитском озере весь ближайший час.

Карие глаза Джесс полезли из орбит. Собравшиеся принялись бурно обмениваться мнениями. Кто-то заявил:

– Блин, жалко, я до этого не додумался!

– Ну? – поторопил я, пряча нетерпение под маской скуки. – Пойдешь или нет?

– Целый час? – не сдержалась она. – Там же вода ноль градусов, мы окоченеем!

– Ладно, тогда полчаса.

– Полчаса?!

– Последнее предложение – пятнадцать минут. Иначе выбирай правду.

На переносице появилась вертикальная морщинка. Некоторое время Джессика смотрела мне то в один глаз, то в другой, затем подняла голову и ядовито прошипела:

– Прекрасно. Я согласна.

Она встала, расстегнула куртку, бросила ее Клетусу и убежала из круга света от костра. От удивления я остался сидеть, но Бо пихнул меня в плечо:

– Чего ты ждешь, дубина? Беги за ней!

Я уставился на своего брата – он смотрел на меня с азартом, одобрительно улыбаясь. И я увидел то, чего в упор не замечал раньше: Джессика ему безразлична. Не потому, что она некрасива или неинтересна, – это не так. Она красавица. Она умна и остроумна. Она сногшибательная. И вообще, она слишком хороша для любого из нас.

Бо не обращал внимания на Джесс, потому что догады-

вался о моих чувствах. А как иначе, мы же близнецы! Должно быть, он давно все понял.

Мы обменялись понимающими ухмылками, и он снова ткнул меня кулаком:

– Давай, догоняй!

Кивнув, я вскочил, сбросил ботинки, а потом стянул свитер и рубашку и бросил все в кучу. Оставшись в одних джинсах, я подхватил сложенное одеяло и побежал в лес за Джессикой Джеймс.

Я всю жизнь за ней бегал, но на этот раз твердо решил, что не упущу.

Глава 4

*Дорога длиной в тысячу миль начинается с
одного шага.*

Лао-цзы

~ Джессика ~

Я никогда не была лгуньей – слишком уж я ленивая, да и воображение у меня не слишком богатое. Я даже себе не очень хорошо лгу. Поэтому сейчас меня не оставляло ощущение, что мое сознание будто раздвоилось.

Меня возмущало, что я хочу Дуэйна Уинстона, но дела обстояли именно так. Он что-то сделал со мной, разбудил дремавшую во мне хищницу, и теперь я превратилась в жалкое, заикленное на нем существо. Я не просто жаждала его поцелуев, прикосновений, его тела и даже язвительных ответных реплик; я думала о самом Дуэйне и о несчетных часах, которые в юности мы провели в компании друг друга, но так и не поладили.

Словно чтобы окончательно запутать дело, произошедшее за кулисами чудесным образом избавило меня от чар Бо – по крайней мере на этот вечер. Я еще не поняла, хорошо это или плохо. С одной стороны, я всегда понимала, что моя

влюбленность в Бо основана на нездоровых иллюзиях.

С другой стороны, Бо хотя бы держался со мной любезно – никаких едких комментариев, только дружеские улыбки, честность и доброта. Вот почему я столько лет таяла при виде Бо.

Но теперь... почти ничего. Когда Бо нашел меня в темноте и сказал мне, кто он, я испытала разочарование. Никакой музыки, слышной только мне, никакого лепета на невнятном суахили – только разочарование.

Как такое вообще возможно спустя двенадцать лет форменной одержимости? Оставалось только гадать – и сомневаться в моем психическом здоровье (хотя последнее подводило уже давно).

Постепенно я перешла на шаг, предположив, что озеро совсем рядом, и ругая себя за то, что не взяла фонарик. Короткая пробежка была приятной, но – на нее ушла лишь малая часть переполнявшей меня беспокойной энергии, выматывавшей до предела.

Я словно металась между двух огней: мои чувства к Дуэйн-ну упорно спорили между собой.

Разве мне хотелось превращаться в ревнивую бешеную ведьму, когда Дуэйн целовал мою сексуальную пчелку-кузину, по совместительству свою бывшую девушку и красотку стриптизершу?

Вовсе не хотелось. Я вообще не хотела на это реагировать. Однако самообладание мгновенно испарилось – Дуэйн буд-

то запустил руку мне под ребра, нащупал сердце и медленно его сжал. А еще у меня руки чесались оборвать Тине... пчелиные крылышки.

Он ее целовал. Он целовал ее так же, как целовал меня! Видимо, у Дуэйна привычка целовать девушек до потери пульса. Всех без разбору. Вот почему он так хорошо целуется: практика.

Эта мысль билась в голове, как муха о стекло: я представляла их обоих, и то, как губы Дуэйна касались губ Тины, отпечаталось в памяти, как ожог. От этого зрелища холодело все внутри и наступало помрачение рассудка.

Первым желанием было подойти к ним и растащить за носы. Я однажды видела, как мама развела таким образом моих дерущихся кузин – сунула указательные пальцы в ноздрю каждой и заставила отойти друг от друга. Больше они в нашем доме не дрались – маме достаточно было подвигать указательными пальцами в воздухе. Стоило мне показать этот жест, и Тина сразу поняла бы намек.

Я пошла тише, пытаюсь понять, хлюпает под ногами холодная влага или это еще земля. Шага через три я поняла – хлюпает. Я дошла до озера. Я повернулась, выставив руки, добралась до первого попавшегося дерева и привалилась к стволу в ожидании Дуэйна.

Вскоре слышался его топот. У меня внутри все напряглось наиприятнейшим и одновременно беспокоящим образом. Я стиснула кулаки и зажмурилась, мысленно себя отчи-

тав. Хотя на улице было не больше пяти градусов, я не озыбла – больше того, кожа, легкие и живот горели огнем. Вот что делают с человеком гнев, крайнее раздражение и бешеная страсть.

Мне требовалось время и расстояние.

Мы целовались меньше пяти часов назад, и предъявлять какие-то права на Дуэйна Уинстона просто бессмысленно. Я в Грин-Вэллей ненадолго – выплатить кредит за обучение и приобрести немного учительского опыта, а потом я отправлюсь путешествовать.

Человек не принимает судьбоносных решений после одной бурной «закулисной» встречи, тем более что я целовала Дуэйна, думая, что передо мной Бо.

Может, рассуждала я, Дуэйн не так уж хорошо целуется? Может, я преувеличила, потому что целовалась под ложным впечатлением о нем?

Я сказала себе, что эти странные желания исчезнут так же быстро, как и возникли. Я убеждала себя, что завтра все будет по-прежнему. Дуэйн вредный и сложный, Бо белый и пушистый. Даже если моя всепоглощающая влюбленность в Бо уже не вернется, странный всплеск чувств к Дуэйну, скорее всего, окажется мимолетным.

У меня свои планы, и я не стану размениваться. Тут и думать нечего.

– Джесс...

Я замерла от этого шепота, удивившись тому, как близко

оказался Дуэйн, и немного повернула голову, предоставив ему любоваться моим профилем. Должно быть, я так увлеклась своими мыслями, что не слышала, как он подошел.

– Ну? – прошептала я в ответ, но тут же покосилась на него: – Чего это ты шепчешь?

Дуэйн, не отвечая, медленно двинулся вперед, сокращая расстояние между нами. По смутным очертаниям в темноте я догадалась, что он без рубашки. От увиденного во мне родился стон, который я еле успела подавить, потому что, черт бы все побрал, я хотела трогать Дуэйна!

Я повернулась, когда он остановился в двух футах от меня и выпалил:

– Джесс, может, мы... Может, я...

Я слушала, как он замолчал и медленно, огорченно выдохнул. Лица было не разглядеть, и я не могла угадать ход его мыслей. Я ждала, пока Дуэйн закончит. Пять секунд превратились в двадцать, но тишину нарушало только далекое уханье сов, шум ветра и маленькие волночки, плескавшиеся о берег.

В темноте я заметила какое-то движение, и спустя мгновение его рука задела мою. И без того на взводе от нервов и продолжающегося внутреннего поединка по боксу, я отпрянула – в основном от неожиданности.

При виде моей реакции Дуэйн отступил и провел руками по волосам. Не знаю почему, но мне стало неловко. Может, оттого, что я хотела взять его за руку, а не отстраняться. Но

каким ничтожеством я бы тогда оказалась?

Каких-то десять минут назад Дуэйн в моем присутствии целовал другую девушку – причем ту, с которой его связывали длительные отношения. Возможно, до сих пор связывают.

Меньше пяти часов назад он притворился братом, а я держала в руке его член. Блин, да я его поглаживала, находясь под ложным впечатлением! Мне бы бежать куда глаза глядят, а я стою, как дурочка, перед парнем, который обозвал меня нахалкой.

Конечно, он прав, я иногда бываю дерзкой. Но я не хотела, чтобы он считал меня нахалкой!

Я кашлянула, нащупала за спиной ствол канадской ели и сказала:

– Давай-ка уже с этим покончим.

Я взялась за подол платья и стянула его через голову, зачем-то свернула и положила на корни дерева. Затем расстегнула лифчик, мгновенье поколебалась и бросила его на платье.

При звуке расстегнутой молнии Дуэйна мой живот словно наполнился лавой – раскаленной жидкой лавой. Тело напряглось и приготовилось – я даже не сразу поняла, что задержала дыхание. Напрягая слух, я следила за каждым движением Дуэйна, пока тот снимал штаны.

Теперь он голый.

Сунув большие пальцы под резинку трусов, я превратилась в замерзшую лаву. Я засомневалась, смогу ли шевель-

нуться, пока Дуэйн голый. Это казалось... рискованным.

Он кашлянул, и я разглядела, что он поставил руки на бедра.

– Труссы можешь оставить, если хочешь.

Признаюсь, пока Дуэйн не заговорил, я пялилась на его... ну вы поняли, в тщетной надежде пробудить свою дремлющую сверхспособность видеть в темноте. Увы, ночь была безлунная, и нас окружал непроглядный мрак.

Теперь я всматривалась в лицо Дуэйна – можно было смутно различить, как в его глазах отражаются звезды, – засопела и покачала головой. Предложенное послабление лишь подстегнуло мою решимость.

– Нет, голышом так голышом. Вдруг ты потом разорешься.

– Не разорусь.

Я не ответила.

– Джессика, я не разорусь, – повторил он.

– Я тебе не верю, – буркнула я, повернувшись спиной и стягивая трусы, которые тоже полетели на платье.

Кожу на затылке закололо невидимыми иголочками. Я плохо ориентировалась в темноте, но подозревала, что Дуэйн все прекрасно видит. При этой мысли я быстро направилась к воде, прикрывая грудь руками. Зайдя по пояс, я остановилась отдышаться – дыхание перехватило от резкого погружения в ледяную воду. Она оказалась холоднее, чем я думала, и я мгновенно окоченела. Тело дрожало, а мозг кричал:

«Что ты вытворяешь? Или тебе невдомек, что озеро почти замерзло? Последний разум потеряла?»

Раскаленная лава замешательства и смятения уступила место инстинкту выживания и отвращению к ледяной воде. Правду все-таки говорят о холодном душе!

Громкий всплеск и витиеватая ругань обозначили вход Дуэйна в воду. Я пыталась заставить себя шагнуть вперед, но ноги не слушались. Я страшно замерзла – зубы выбивали дробь, плечи тряслись.

И тут я почувствовала Дуэйна сзади – он так близко подошел со спины, что я ощутила исходившее от него тепло. Вода будто стала на градус теплее, хотя мы стояли, не касаясь друг друга.

– Ну что, д-д-достаточно глубоко? – поинтересовалась я, раздраженная собственной трусостью, которая мешала зайти дальше.

– Джессика, я должен тебе кое-что сказать.

Я судорожно обхватила плечи. Горячее дыхание Дуэйна на моей шее в сочетании с аристократическими модуляциями в голосе заставило меня вздрогнуть.

– Валяй. Нам пятнадцать минут убить надо...

Вода на уровне живота колыхнулась – Дуэйн преодолел разделявшие нас дюймы, и его грудь уткнулась мне в лопатки, а пах – в мой зад. Я окаменела и попыталась отодвинуться, но одна его рука обняла меня за плечи, а другая – поперек груди над самой водой, удержав меня на месте.

– Джесс, озеро холодное, как не знаю что. Дай я тебя обниму.

– М-м-между прочим, ты это сам предложил!

– В курсе, и не жалею, но помолчи, пожалуйста, минутку, и я тебе кое-что скажу.

Я возмутилась:

– Не надо мне указывать!

– Прости, прости, ты права. Я неудачно выразился. Просто мне так холодно, что мозги отмерзают.

Если бы у меня не стучали зубы, я бы, наверное, улыбнулась.

– П-п-прекрасно, валяй, что ты там хотел.

– Джесс... – Его пальцы впились мне в кожу, руки напряглись. – Мы с Тиной больше не вместе. Я с ней порвал несколько месяцев назад.

Я безразлично кивнула, не желая сознаваться, что мне приятно это слышать.

Он продолжал:

– А ты и я... Мы с тобой знакомы с самого детства...

Я прижалась к нему, признавшись себе – я очень рада, что Дуэйн решил меня обнять.

Он заговорил снова, и слова из него вылетали быстро и четко, как отрететированные:

– Ты никогда меня особо не любила, и я понимаю почему, правда, понимаю! Но мы уже не дети. Ты уезжала на четыре года в колледж, а теперь вернулась и работаешь в школе. Ты

стала другой. Ты изменилась. Я тоже изменился, у меня теперь свой бизнес... Мне кажется, пора нам заключить мир и начать все заново.

Я нервно заморгала, стараясь осмыслить его слова, и вдруг заметила – теперь, когда мы стояли неподвижно, – как красиво звезды отражаются в водной глади. Мы будто превратились в центр мироздания – звезды над нами, звезды под нами... Я, не подумав, откинула голову назад, попав точно на плечо Дуэйна, и так и стояла, глядя в небо.

Полминуты он будто собирался с духом, а потом нагнул голову и прижался щекой к моей щеке.

– Я рад, что ты согласна, – прошептал он в тишине, по-своему истолковав мой жест. Я чувствовала, как двигаются его губы, борода щекотала мне шею.

Несмотря на жуткий холод, я засмеялась, по достоинству оценив странность ситуации: стою в ледяном озере с Дуэйном Уинстоном – и рада этому. В последний раз мы были одни в воде тем летом, когда мне исполнилось четырнадцать: я тогда сдернула с Дуэйна плавки и забросила на дерево. А теперь мы оба замерзаем без штанов.

Происходящее не имело смысла, а мне хотелось, чтобы имело, поэтому я попросила Дуэйна кое-что растолковать.

– Дуэйн, а ты помнишь, как в детстве мы спорили обо всем подряд? Если бы я сказала, что небо голубое, ты бы заявил, что фиолетовое!

– Иногда небо и в самом деле фиолетовое. Вот сейчас оно

темно-синее, почти черное. Нельзя сказать, что небо всегда голубое, это будет неверно.

– Видишь, видишь? Вот я о чем. Не представляю, как бы мы поладили. Мы с тобой умеем только спорить.

– Ты так говоришь, будто это плохо!

– А разве нет?

– Джессика, – прошептал Дуэйн, – спорить с тобой – одно из моих любимейших занятий.

Сердце у меня бешено стучало, а дыхание остановилось, и причиной тому стали не столько его слова, сколько то, как Дуэйн их произнес – мягко и искренне. Я энергично заморгала, чтобы не растаять там же и прямо на нем (как можно таять, если с трех сторон меня окружает ледяная вода, осталось загадкой, но что с меня взять).

Я кашлянула и собрала волю в кулак.

– Одним из твоих излюбленных занятий было меня разыгрывать, и нечего переписывать прошлое!

И снова я щекой ощутила, как он улыбается:

– Ты тоже хорошо меня разводила, не отрицай.

Я спохватилась, что слишком широко ухмыляюсь, вспоминая былые подвиги.

– А ты всякий раз велся! Помнишь, как я подменила кусок клубничного торта на губку, а ты откусил?

– А помнишь, как ты заставила меня поверить, будто глотаешь мух?

Я хихикнула.

– О, а я и забыла! Это был изюм. У тебя был такой вид – я думала, тебя там же и вывернет.

Некоторое время мы молчали, бродя в воспоминаниях. Мне пришло в голову, что Дуэйн, пожалуй, не пытается переписать историю. Он хочет, чтобы я посмотрела на нее под другим углом.

Я сказала, не подумав:

– Мне очень нравилось, как ты злился и обещал мне отомстить.

– Ага. И всегда сдерживал обещания.

– О да!

Мы снова замолчали. Тишину нарушал только тихий плеск воды о берег. Но тут руки Дуэйна скользнули вниз, задев мои бедра, и я мгновенно очнулась.

Я тряхнула головой, чуть наклонилась вперед, осторожно кашлянула и спросила:

– Если все начать заново, зачем тебе со мной дружить? Ты же называл меня нахалкой!

Дуэйн кивнул и снова положил руки так, чтобы это уже напоминало объятья.

– Назвал, потому что ты так себя вела.

Я раздраженно фыркнула.

– Врала-то не я! У меня было полное право рассердиться. Не знаю... – Я сглотнула, обдумывая следующие слова. – Не знаю, готова ли я тебя простить.

– А я и не прошу прощенья. Я ни о чем не жалею.

– Не жалеешь? – Это вышло громко и визгливо. Несмотря на ледяную воду, у меня подскочило давление.

– Не-а. О том, что мы целовались, – нисколько.

Я снова засмеялась – теперь раздраженно.

– То есть тебе не стыдно, что ты обманом внушил мне, будто ты – Бо?

Дуэйн пожал плечами, уткнувшись носом мне в шею и согревая меня дыханием. Мозг требовал призвать его к порядку, но тело орало: «К чертям гордость, я замерзаю!»

Наконец Дуэйн сказал:

– Я ни разу не сказал, что я Бо. А ты не спрашивала.

Я открыла рот, откуда вырвался слабый недоверчивый писк.

– Это неслыханно!

Дуэйн проигнорировал мое заявление.

– И я не желаю быть твоим другом.

– Как не желаешь? Тогда о чем же мы говорим?

– Мы говорим о том, чтобы все начать заново.

– Для чего?

После секундного колебания он ответил:

– Чтобы чаще видеться. Мне кажется, мы подходим друг другу.

Я не удивилась.

Я была ошеломлена.

Я не сомневалась, что ослышалась.

Тут я поняла, что рот у меня широко разинут.

И еще поняла, что стою молча целую минуту.

Я заморгала, уставившись на звезды.

– Прости, мне что-то послышалось... Что ты имел в виду?

– То, что я сказал. Мы подходим друг другу.

– Ты так считаешь?

– Да.

– Для чего подходим-то? Для того, чтобы цвет неба обсуждать? Или строить друг другу каверзы?

– Ну, можно и это, если тебе захочется. А вообще-то я собираюсь тебя вывести...

– Из себя?

– Вывести в ресторан, в кино, на природу, в кафе поесть мороженого – короче, на свидание.

– На свидание?

– Можем поехать к Джини или на дискотеку.

– Ты танцуешь?!

– Танцую, если музыка хорошая и есть настроение.

– И ты будешь танцевать со мной?

– Черт, еще как! Я бы потанцевал с тобой хоть сейчас, если бы не отморозил яйца в этом озере...

Смеясь, я только головой покрутила, потому что разговор пошел в неожиданном направлении. Мне не верилось, что Дуэйн Уинстон считает, будто мы подходим друг другу.

В какой это вселенной мы друг другу подходим?

И почему его слова не кажутся полным бредом? Почему его слова наполняют мое сердце приятным волнением?

– Я не... Я не могу... – Я не знала, что сказать и что думать.

Вечер выдался на редкость насыщенным, я не успевала переварить происходящее. Мне требовалось время и расстояние. Я не собиралась оставаться в Грин-Вэллей больше года-двух, а предполагаемая совместимость с Дуэйном Уинстоном грозила превратиться в здоровенный якорь. Я старалась не терять из виду главный приз – уехать отсюда без долгов, без сожалений и причин остаться.

Кашлянув, я прошептала:

– По-моему, пятнадцать минут уже истекли.

Я отстранилась, и Дуэйн меня отпустил. Холодная вода сразу остудила мои бедра – плохая замена теплоте и надежному телу Дуэйна. Обхватив себя руками, я развернулась к лесу и через силу двинула закованенными ногами. Получилось не очень – я споткнулась, оступилась и плюхнулась в воду.

От холода скрюченные ноги сразу же выпрямились, вытолкнув голову на поверхность. Я жадно втянула воздух, и тут руки Дуэйна подхватили меня и подняли над водой. Я оказалась прижатой к его груди – одна рука придерживала меня за спину, вторая под колени.

Обретя голос, я проговорила, стуча зубами:

– Поставь меня!

Дуэйн не ответил, двигаясь к берегу.

– Дуэйн Уинстон, поставь меня, – задыхаясь, повторила я.

Мы прижимались друг к другу, и без ледяной воды, не дававшей потерять голову, мое тело согревалось о тело Дуэйна. Наша кожа была мокрой и скользкой, мои груди прижались к его рельефным мышцам, его сильные руки обнимали меня. Сил возбуждаться у меня не осталось, зато беспокоило ощущение неуместности происходящего.

Неуместности? Правда? Это ты сейчас о приличиях вспомнила?

Я променяла безумие на здравый смысл.

– Я тебя поставлю, но не хочу, чтобы ты убежала, забросив мои трусы на дерево.

– Ты это заслужил. – Я знала, на какую проделку он намекает, и невольно улыбнулась.

– Заслужил, – кивнул он и передвинул меня повыше, будто я мешок картошки и сползаю.

Мы уже были на берегу и даже вошли в лес; я хотела снова пожаловаться, когда Дуэйн осторожно опустил меня на землю, но не убрал своей лапищи с моего локтя.

– У меня там одежда. – Я без энтузиазма дернулась в сторону – тело слишком замерзло и устало, чтобы затевать сопротивление. Я покрылась мурашками и сильно дрожала.

Дуэйн наклонился и что-то поднял. Отпустив мою руку, он расправил большое одеяло и накинул себе на плечи. Затем он дернул меня к себе и укрыл мягкой тканью.

– Сперва нужно высохнуть и согреться, – заявил он, вытирая мою спину. Только тут я спохватилась, что Дуэйн и

сам замерз: его тоже трясло.

Не раздумывая, я безбоязненно прильнула к нему, инстинктивно желая его согреть. Я обняла Дуэйна и принялась растирать широкую мускулистую спину, уткнувшись лицом ему в шею. Да, мы были обнаженными, но прежде всего мы были закоченевшими телами, искавшими тепла.

Практичность вытеснила ханжество.

Одеяло было огромное, оно закрывало нас от шеи Дуэйна и кончиков моих ушей до самой земли, создавая своеобразный кокон. Я очень порадовалась, что Дуэйн такой предусмотрительный, а то ж я кинулась в лес сломя голову, надеясь, что злость и необъяснимая ревность меня согреют.

Воспоминания о причинах утихшей ярости вновь подняли свои безобразные головы: я снова видела, как Дуэйн целовал свою бывшую. Он по-прежнему придерживал обернутое вокруг нас одеяло и прижимал меня к себе, возвращая чувствительность моим плечам и спине. Руки у него были волшебные – большие и сильные. Щекой я чувствовала биение его сердца. Прикосновения к гладкой коже, твердому, как камень, животу и мускулистым плечам разбудили во мне какой-то сумбур.

Мысли опять начали путаться, и во мне вновь зазвучала музыка – на этот раз «Коснись меня» «Дорс»⁸.

Неожиданно я согрелась – мы оба согрелись, причем

⁸ The Doors – Touch Me (Прим. ред.).

быстрее, чем я ожидала. Естественное физиологическое онемение проходило, и от прикосновений Дуэйна во мне разгорался странный огонь. Вскоре общее тепло сменилось с необходимого для выживания на нечто другое, выразительное и переполненное восхитительным напряжением. Дуэйн растирал меня уже медленнее, и я поняла, что дышу подозрительно часто. Это не было чисто физическим возбуждением, как в клубе. Я... попалась. На этот раз участвовало и мое сердце, а не только одурманенная часть моего мозга.

Я подняла взгляд на Дуэйна и увидела, что он на меня смотрит. В его глазах отражались звезды, и я отлично видела, что смотрит он на мои губы.

– Джессика, – прошептал он. Его руки замерли у меня на талии.

Я слегка покачала головой – движение скорее было призвано прогнать упоительное ощущение, что Дуэйн здесь, со мной. Это следовало побыстрее прекратить.

И я выпалила:

– Я не буду тебя целовать.

Его взгляд метнулся от моих губ к глазам. Я почувствовала, как Дуэйн напрягся.

– Почему?

Я фыркнула:

– Потому что ты мне наврал и притворился Бо...

Он перебил меня, откинув назад голову:

– А тебе нужен только он.

Это прозвучало холодно и неожиданно неприятно.

Я вцепилась ему в руку, не давая отодвинуться.

– Нет, дело не в этом. Просто эта ложь и моя сексуальная пчела-кузина...

– Кто?

– Тина Паттерсон, дочь папиной сестры! Не забыл еще? Ты ее целовал! Ты целовал ее сразу после того, как ты и я...

Я не договорила, окончательно растерявшись. Я постоянно целовала мальчишек и никогда не придавала этому значения, однако первый поцелуй Дуэйна, пусть и обманный, как оказалось, что-то для меня значил.

Дуэйн облизал губы и спросил, будто прочитав мои мысли:

– Наш поцелуй что-то значил для тебя? Не тот, – он кивнул в сторону, – когда ты думала, что я – Бо, а другой, когда ты узнала, что я – это я?

Я ответила искренне – слова вылетели сами:

– Не знаю. Честно, не знаю. И я не понимаю, почему ты решил это сейчас выяснить. Получается, я вообще тебя не знаю. То ты Дуэйн Уинстон, который бросает камнями в моего кота, целуется с другой девушкой, доводит меня до бешенства и спорит о том, какого цвета небо, а через минуту ты заявляешь, что мы подходим друг другу. Я тебе не доверяю.

– Джессика, мы стоим голые посреди леса. Говори что хочешь, но ты мне доверяешь.

Я легонько пихнула Дуэйна в грудь и покачала головой,

чувствуя себя одновременно сонной, и негодующей, и не желающей его отпускать. Это была страннейшая комбинация чувств.

– Нет, в этом смысле я тебе доверяю. Я знаю, что ты меня не убьешь и не поспешишь воспользоваться ситуацией, потому что когда я гладила твой член, а ты вытворял фантастические вещи с моими сосками... – сладкая дрожь пробежала по моей спине при этом воспоминании, – ты все равно остановил меня до того, как я...

– Джессика, пожалуйста, замолчи.

– Что? Почему?

– Потому что ты меня... зверски напрягаешь.

Долгую секунду мы стояли неподвижно, а потом до меня дошло. В его словах скрывался двойной смысл, и даже в полной темноте я чувствовала, как он борется с собой. Я колебалась между желанием, чтобы Дуэйн что-то сделал, и надеждой, что он ничего не станет делать. Наше дыхание стало единым. Его пальцы впились в мои ягодицы...

И тут Дуэйн закрыл глаза и отодвинулся. Не позволив одеялу соскользнуть, он вышел из нашей маленькой печи и плотно закутал меня, заправив край мне под подбородком.

Немного походив, Дуэйн отыскал свои штаны. Я смотрела, как черная фигура натягивает штаны, и двинулась к дереву, где оставила свои вещи. Дуэйн поднял их и протянул мне:

– На.

И сразу отвернулся.

Глядя на его затылок и шею – ну, на смутные очертания, угадывавшиеся в темноте, – я медленно начала одеваться, вспоминая сегодняшний вечер, время, проведенное с Дуэйном, и собственные действия. Я была слишком искренней. Рядом с ним я чувствовала себя наивной и безмозглой. Я не привыкла к ступору, вызванному физической близостью высочайшего уровня. Да и с Дуэйном мы знали друг друга давно – у нас, можно сказать, имелась история отношений.

Может, мои незрелые, нафантазированные чувства к Бо так резко прекратились, потому что я попробовала на вкус реальность?

Я чувствовала, как краска смущения ползет по шее к щекам. Одевшись, я подняла глаза на Дуэйна. Разглядеть удалось только очертания голой спины.

– Я готова.

Он обернулся, оглядел меня, все еще завернутую в одеяло, и кивнул:

– О'кей, пошли обратно.

Пройдя футов десять, он остановился. Я не двигалась, утопая в меланхолии. Допустим, он прав и мы подходим друг другу, и что? Максимум, что из этого получится, – парочка месяцев (в лучшем случае лет) вместе.

Привыкнув вечно забегать вперед, мой мозг мгновенно перемотал два следующих года и остановился в том времени, когда я буду готова уехать из Грин-Вэллей. А вдруг мы

с Дуэйном действительно подходим друг другу? Вдруг у нас будет все серьезно? Что, если я не смогу уехать от него?

Я подняла глаза и увидела, как Дуэйн решительно направился ко мне. Инстинктивно я отступила, но он схватил меня за локти и остановился.

– Твоя кузина Тина... – начал он напряженным голосом.

– Да, Тина моя кузина.

– Она сама назначила такой фант – чтобы я ее поцеловал!

Я сжала губы, ощутив прилив раздражения.

– Но ты ее поцеловал, а она твоя бывшая девушка.

– Она никогда не была моей девушкой!

Мне не хотелось цепляться к словам.

– О'кей, ты встречался с Тиной, еще когда я в колледж не уехала, но твоей девушкой она не была. Так что там насчет Тины?

После паузы Дуэйн выдавил:

– Ты помнишь, с кем я встречался до того, как ты уехала в колледж?

Я процедила сквозь зубы:

– Дуэйн, ты начал что-то говорить о Тине.

Он с явным усилием собрался с мыслями.

– Тина... – Он кивнул и сделал еще шаг, нарушив мое личное пространство. – Когда я ее целовал, это ничего не значило.

– А мне вот иначе показалось.

– Нет. С ней – нет. Но с тобой... В городском клубе я

сказал правду – я всегда тебя хотел. Извини, что я скрыл, кто я, но... – Его голос стал более хриплым, и Дуэйн закончил свое мучительное признание: – Я бы очень хотел, чтобы мы еще раз так встретились.

Глава 5

Каждый мечтатель знает, что можно испытывать ностальгию по месту, где ты никогда не был, и она может быть сильнее, чем по знакомым местам.

Джудит Турман

~ Джессика ~

Я никак не могла сосредоточиться.

Даже «Путешествия по Европе» Рика Стивса я смотрела рассеянно.

И в этом был виноват Дуэйн. Его слова, губы, руки, глаза – и его член...

Член у него замечательный – по крайней мере по сравнению с другими знакомыми мне членами: толстый, длинный, гладкий и твердый как камень. Я не поглядела на него за кулисами или когда Дуэйн подбил меня на плавание в ледяной воде, однако я с удивительной ясностью помню, как *он* выглядел, когда мы были совсем детьми и Дуэйн обнаженным бежал за мной по лесу. А еще до этого был случай, когда мы целой компанией плескались голые в водопаде возле Бёрджеса. Я еще отметила про себя, что у Дуэйна *он* обре-

занный – в восьмом классе у нас был «урок здоровья», он же «половое воспитание».

Я не ожидала, что зациклюсь на обрезанном пенисе Дуэйна, однако, сидя за столом в классе и проверяя внеплановые контрольные, я не могла забыть чудесный предмет в моей руке...

И меня сразу накрыло жаркой волной желания.

Как я попала в это чистилище? Да, я истекала слюной при воспоминании о его сексуальной притягательности, но дело не только в этом. Далекое не только в этом. И это «далеко» лишило меня покоя. От признания Дуэйна, что наша встреча за кулисами городского клуба была тем, чего он давно хотел, и он мечтает о повторении, я растеряла остаток разума.

Мы знакомы с самого детства. Я знала о нем все – вернее, думала, что все.

Его откровенность стала громом среди ясного неба – все равно как если бы мой кот Сэр Эдмунд Хиллари, названный в честь первого покорителя Эвереста, признался, что умеет разговаривать и сейчас вылизет меня, как котенка. В лучшем случае Сэр Хиллари милостиво позволял мне существовать, а в худшем замышлял покушение на мою жизнь. Этот наглейший трехцветный психопат постоянно перетаскивал свой лоток от унитаза к душевой кабинке, причем только когда я принимала душ.

В общем, я решила, что проклята духом великого Дж. Р. Р. Толкина за кошунственный костюм сексуального Гэндаль-

фа и поэтому не могу перестать думать об определенных частях тела Дуэйна Уинстона и его обескураживающей гипотезе, что мы подходим друг другу.

Пять дней спустя после насыщенного невероятными событиями вечера Хеллоуина я все еще избегала Дуэйна. Что я ему скажу? Что тут вообще можно было сказать?

Привет, Дуэйн, я не разобралась, нравишься ты мне или нет, ты меня вконец запутал, но я не против купить тебе кусок пирога, чтобы мы могли поспорить о цвете неба. Давай-ка определимся со временем.

Или, может, так:

Привет, Дуэйн, я тут растеряла последние остатки разума и уважения к себе, потому что, хотя ты и целовал у всех на глазах мою кузину – сексуальную стриптизершу, с которой у тебя типа все, я не сочла это ненормальным, гадким или неуважительным. Давай, что ли, сходим поедим мороженого. Заодно я погляжу, как ты лижешь свой рожок.

Видимо, решив добить меня окончательно, Тина вцепилась в меня, как клещ в «Ореховом домике Дейзи», куда мы с папой зашли позавтракать после воскресной проповеди. Кузина держалась чересчур дружелюбно: ей прямо-таки не терпелось возобновить общение, куда-нибудь вместе сходить и заняться всякими милыми пустяками.

Мы почти не разговаривали лет с тринадцати: в старших классах я была недостаточно крутой, чтобы с ней дружить, а

с тех пор, как я поступила в колледж, а Тина – в стриптизерши, мы встречались лишь на больших семейных праздниках.

А сейчас ей вдруг приспичило общаться.

Как раз когда меня одолевали мысли о ее бывшем бойфренде.

– Ну что, расскажешь наконец, что произошло, когда ты удалилась с одним из близнецов Уинстонов?

Я не подняла взгляда, хотя Клэр Макклюр меня немного напугала. Судя по голосу, она остановилась в дверях класса.

– И давно ты здесь стоишь?

– Ну, я успела понаблюдать, как ты несколько минут смотрела в пустоту, а потом издавала прикольные стоны, закрыв лицо руками. Я не вполне понимаю, что все это значит, но мне интересно.

Я покачала головой, глядя на Клэр сквозь растопыренные пальцы.

– Обрезанный пенис.

Приятно было видеть, как Клэр поперхнулась.

– Кто?! Что?

– Пенис, говорю, обрезанный, вот что. Пламенные взгляды, жгучие поцелуи, правда или действие, затем утверждение, что мы подходим друг другу, – это я еще не выяснила, купание голышом, взаимное растирание с целью согреться...

– Все-все, хватит, – Клэр выставила ладони вперед. – Такие разговоры не ведутся на работе.

– А что, они противоречат школьной политике?

– Нет, но пить на работе строго запрещено.

– Я не пила.

– Зато мне нужно бахнуть пару капель, если разговор зашел о братьях Уинстонах и обрезанные у них или нет.

Я уронила руки на стол и слабо улыбнулась.

– Ты же ходила в школу вместе с Билли и Клетусом! Билли на год старше, Клетус на класс младше?

Клэр кивнула и тихо добавила:

– Но общалась я больше с Джетро – они с Беном были лучшие друзья.

Я почувствовала, как тает моя улыбка, и поняла, что во взгляде наверняка проступила печаль. Клэр отвела глаза и кашлянула, и вид у нее стал устало-покорный и вместе с тем нетерпеливый.

– Бен шутил, что у него не хватает терпения выучить имена всех Уинстонов, поэтому звал их всех Джетро-младшими, – сказала Клэр, глядя себе под ноги, и коротко усмехнулась.

Уголки рта у меня поползли вверх от такого практичного подхода. У Клер же лицо вытянулось.

Поговорить ей было не с кем – нет, папаша у нее был в добром здравии – президент клуба местных байкеров «Железные призраки», а мамаша носила гордое звание его «старушенции», но и вместе, и по отдельности они оставались неадекватными. Насколько я знала, Клэр давно не общалась ни с родителями, ни с прочей родней.

По-моему, она осталась в Грин-Вэллей, чтобы не бросать семью своего покойного мужа. По воскресеньям Клэр ходила с ними в церковь и жила от Макклюров через дом.

В юности она слыла первой местной красавицей: у нее были высокие скулы, о которых пишут в журналах мод, с такой впалой ложбинкой на щеках, и большие грустные глаза. Добавьте к редкостной красоте самый уравновешенный, добрый, великодушный нрав и разнообразные таланты, и получится Клэр. К примеру, у нее великолепный певческий голос – ей бы выступать в Нэшвилле или поселиться в Нью-Йорке или Милане и стать чьей-нибудь музой, супермоделью или концертирующей пианисткой.

Замечу: самой мне медведь на ухо наступил.

В старшей школе я переиграла всех трагических героинь, заработав репутацию театралки, – в нашей школе это означало, что я чудная и с закидонами. Плюс меня считали математическим гением нашего округа: со мной наша школьная команда трижды побеждала на олимпиадах.

Я не вышла замуж за свою детскую любовь, потому что ни в кого не влюблялась, хоть и целовалась с десятью мальчишками. Просто мне нравилось целоваться, беся этим папу и мелкого диктатора-братца. Словом, в колледж я отправилась неугомонной, но благовоспитанной порядочной девицей. Типичным тинейджером, короче.

Однако, вернувшись в Грин-Вэллей всего четырьмя годами позже и поступив работать все в ту же школу с прежними

ми порядками и социальной иерархией, я неожиданно стала воплощением нового стереотипа – горячей математичкой.

Я никогда не считала себя крутой или очень красивой, хотя с самооценкой у меня все в порядке. Видимо, после мистера Трэнтена, который уже вышел на пенсию, любой преподаватель математики при бюсте и младше восьмидесяти пяти автоматически превращался в Шарлиз Терон.

– Ладно, – наконец сказала Клэр. – Поехали ко мне домой, и ты мне все расскажешь. Глоток вина, и я буду самой благодарной слушательницей.

– Не могу. – Я обернулась и взглянула на часы над доской. – Я брата жду. Тачка загорает у городского клуба с «критической неисправностью» в моторе, приходится ездить на Джексоне.

Клэр тут же вопросительно уставилась на меня:

– Гм... Уже не загорает.

– Что?!

– Твой автомобильный монстр куда-то увезли.

Меня охватила паника. Руки сами сжались в кулаки.

– Они не имели права! Или имели?

Я же говорила с мистером Макклюром о том, чтобы *Ford* постоял перед клубом, пока я не заработаю на эвакуацию и ремонт, и он заверил меня, что никаких проблем не будет!

– Успокойся. – Клэр приподняла руки и вошла в класс.

– У меня нет денег на эвакуатор! Почему его забрали? Твой свекор клялся, что машина может стоять там сколько

угодно!

– Так его не на штрафстоянку увезли, Джесс. Я утром видела твою развалинку перед автомастерской братьев Уинстонов.

От такой новости я вздрогнула и часто заморгала:

– Зачем они это сделали?

Клэр засмеялась, и я увидела лукавый блеск в ее глазах.

– Наверное, это как-то связано с неким обрезанным пенисом, – ответила она.

* * *

Я решила выпить. Для этого мне требовалось не меньше двух бокалов вина. Но сперва следовало выяснить, что, черт побери, происходит.

Я позвонила Джексону и оставила сообщение, что уехала с Клэр, умолчав, что подруга везет меня в автомастерскую. Джексон и Уинстоны не ладили – в основном потому, что Джетро Уинстон, старшенький, раньше угонял тачки, и, несмотря на все усилия моего папы и брата, дела против него всякий раз сыпались в суде.

Не стоит забывать и об Эшли Уинстон, при виде которой Джексон в старшей школе катастрофически глупел.

Я ее хорошо запомнила – главным образом за сочетание внешней и внутренней красоты. Ну, просто самая милая девушка на свете. По-моему, при такой ангельской внешности

многие ожидали от нее коварства, но дело обстояло как раз наоборот.

Я дергала нижнюю губу пальцами, не замечая живописного осеннего убранства росших по сторонам дороги деревьев. Осень была в самом разгаре и обещала радовать еще несколько недель, если не выпадет ранний снег.

Я бы солгала, сказав, что изумительные виды Смоки-Маунтинс ничуть не повлияли на мое решение вернуться после колледжа в Грин-Вэллей. Двумя другими факторами были родительский дом и отсрочка по кредиту, предоставляемая преподавателям естественно-научных дисциплин, технологии, инженерии и математики в районах с нехваткой кадров. Жизнь у родителей позволяла экономить на жилье и быстрее выплатить кредит, а что касается кадров, то я была единственным преподавателем высшей математики на пятьдесят миль вокруг, если не считать Ноксвилла.

Мой предшественник мистер Трэнтен учил математике только по программе средней школы, и в этом году одаренные ребята из Грин-Вэллей и соседних городков впервые не мотались на автобусе в Ноксвилл на уроки тригонометрии и матанализа.

Но я с самого детства мечтала увидеть мир, и не как туристка, а как профессиональный путешественник. Я жаждала свободы и приключений. Жизнь в родительском доме я воспринимала как подготовку к старту. Я с удовольствием проводила время с семьей, копя воспоминания, ведь если

мои старания принесут плоды, я мало буду видеть родных в ближайшие годы.

– Приехали.

Замечание Клэр оторвало меня от размышлений. Моргнув, я поглядела на ее тачку, стоявшую перед открытыми дверьми автомастерской.

При виде мужских сапог, торчавших из-под какой-то машины, сердце принялось спрашивать разум: «Что, если это Дуэйн?» А разум отмахивался: «С обрезанным пенисом будем разбираться, когда до этого дойдет».

– Ты собираешься выходить из машины?

Я помотала головой:

– Я еще не решила.

Клэр вздохнула.

– Чем быстрее ты выяснишь насчет машины, тем скорее мы вернемся ко мне и выпьем вина.

– Ну, это все меняет, – рассеянно отозвалась я, по-прежнему сидя неподвижно.

Клэр подождала, пока я что-то предприму. Я чувствовала на себе ее взгляд.

– Джесс, чего ты тянешь-то? Чего ты боишься?

Не успела она договорить, как из гаража вышли два рыжих бородатых мужика, мощные и красивые. Сапоги под машиной оказались уловкой – вероятно, идея принадлежала Клетусу. У меня перехватило дыхание, а зрачки расширились.

Близнецы Уинстоны были одеты в небесно-голубые рабо-

чие комбинезоны и белые футболки, видневшиеся из-за растянутого ворота. Клэр в пятницу ошиблась: волосы у них были примерно одинаковой длины, как и бороды. Даже пятна солидола на руках и одежде казались идентичными. Я отчасти простила себя за путаницу на Хеллоуин – на нас сейчас шли просто два зеркальных отражения, плюс я не пересекалась с близнецами Уинстонами почти три года.

Однако я сразу поняла, кто из них Дуэйн. Если бы в клубе я хорошенько подумала, сразу бы разобралась. Дуэйн держался иначе, чем Бо: стоял иначе, смотрел иначе, да и этот его рот – все это разительно контрастировало с его общительным братом.

Бо был развязнее, даже когда стоял неподвижно. Он почти никогда не морщился и часто улыбался.

Дуэйн стоял отстраненно, неотрывно глядя брату в глаза, будто умел сосредоточиваться только на чем-то одном. Легкий прищур придавал ему задумчивый вид, тогда как Бо весело болтал. Дуэйн улыбался почти через силу – я и в пятницу заметила эту неохотную улыбку. Улыбки Дуэйна всегда были сдержанные.

Я переводила взгляд с одного брата на другого и вскоре поняла – таинственные чары Бо действительно пали навсегда.

Глядя на него, я ощутила симпатию – он ведь очень хороший парень.

Нашлось и еще одно доказательство ослабления власти Бо

надо мной: при взгляде на Дуэйна я ощутила сильнейшее иррациональное раздражение, смущение и неуверенность. Я всегда примерно так на него реагировала, однако сейчас эмоции взорвались во мне с неожиданной и необъяснимой силой, и к ним добавилось нечто новое – внезапное томительное желание.

За пять дней Дуэйн ни разу не попытался выйти на контакт. Я, естественно, тоже. После признаний на озере мы вернулись к костру в напряженном молчании. Дуэйн вел меня за руку. Он попросил Клетуса отвезти меня домой, после чего вышел из круга света, и больше я его не видела... Ну, если не считать странные сны, в которых неизменно фигурировал Дуэйн.

– Который из них, Джесс?

Упиваясь своей обидой, я даже вздрогнула от вопроса Клэр и ответила, не отрывая взгляд от близнецов:

– Пусть я выставлю себя идиоткой, но... Дуэйн.

– Ну, ты даешь!

По голосу я слышала, что Клэр еле сдерживает улыбку.

– Да, да, я чокнулась. Я взбалмошна и не могу себе доверять. Через неделю я безнадежно втюрюсь в Клетуса!

– А что, Клетус очаровашка. Ты могла найти гораздо хуже.

– Ага, значит, решено: влюблюсь в Клетуса! – сострила я, прекрасно понимая – все не так просто. Мои чувства к Дуэйну выросли из нашего многолетнего знакомства – вражды, невольного уважения и пяти дней нервных вздохов. На-

ша история достаточно сложна и разнообразна, чтобы оценить искренность и долговечность этих чувств.

Клэр засмеялась, накрыла мою руку своей и крепко сжала.

– Должно быть, это нелегко – так любить его внешность и недолюбливать его самого!

– Я не недолюбливаю... – замотала я головой, стараясь подобрать слова и объяснить, что я чувствую к Дуэйнну. – Понимаешь, в детстве я его терпеть не могла. В отличие от Бо, он никогда со мной не деликатничал, зато говорил со мной чаще, чем брат, и гораздо дольше. Дуэйн из кожи вон лез, лишь бы все время спорить.

– А сейчас?

– Сейчас... – Я пожала плечами. – Сейчас я его уже толком не знаю. Если после моего отъезда в колледж не произошло радикальных изменений, то его любимое мороженое – шоколадное с орехами, у него шрам на правой руке – разодрал об забор автомобильной свалки мистера Таннера... Дуэйнну тогда было тринадцать, ему наложили швы и вкатили противостолбнячную сыворотку... Я знаю, что он гоняет как сумасшедший и ни разу не проиграл гонки в Каньоне. Еще он насвистывает тему Дарта Вейдера из «Звездных войн», когда моет свою машину, чинит чужую или занят чем-то монотонным. Кофе пьет черный, сладкую газировку не любит – вот и все секреты.

– Так это ты много знаешь!

Я снова пожала плечами.

– Только всякую ерунду, которой волей-неволей нахвататься, когда растешь с кем-нибудь бок о бок.

– А какой кофе предпочитает Бо?

Я настороженно поглядела на Клэр:

– Не знаю, а что?

– А что насвистывает Бо, когда чинит машины?

Я покачала головой, подняв брови:

– Откуда мне знать?

Клэр, еле сдерживая улыбку, спросила:

– А ты точно была влюблена в Бо? Может, тебе с самого начала нравился Дуэйн, а Бо был запасным вариантом?

У меня приоткрылся рот – не широко, а так, слегка, – глаза прищурились, и с губ сорвалось недоверчивое:

– Что?! Нет-нет... – Я снова покачала головой, на этот раз с горячностью: – Нет, нет, нет!

– Джесс, Дуэйн по-прежнему гоняет по Каньону и по-прежнему непобедим – в основном потому, что рискует как сумасшедший и вроде бы не знает страха. Летом он убил гремучую змею рядом с городским клубом...

– И что?

– И то, что он подошел прямо к ней, растоптал голову и поднял гремучку голыми руками.

– Значит, он просто дурак!

– Нет, вот что не дурак, так это точно. Дуэйн знает, что он делает, просто он лишен страха перед смертельно ядовитыми змеями и не менее опасными гонками за лидером. Иметь

дело с Бо ничуть не спокойнее. Наверное, тебя с самого начала тянуло к Дуэйну, но...

– Нет. Нет! Категорически нет.

– Они же с Бо одинаковые!

– Внешне-то да, а как люди совершенно разные.

– Да, но, по твоему признанию, вы с Дуэйном вместе росли, ты многое о нем знала, с удовольствием проводила с ним время, но при этом влюбилась в Бо?

– Он был вежливее, – проворчала я.

Клэр засмеялась, округлив глаза:

– Или проще.

Я отвернулась от нее и уставилась на близнецов. Бо с Дуэйном нырнули под капот винтажного автомобиля: рыжие головы скрылись из виду, зато задницы выставили на всеобщее обозрение.

Я негодуяще фыркнула – мне не понравилось переписывание Клэр моей истории (тем более что в ее словах был смысл).

– Слушай, доктор Фил! Зачем мы вообще начали этот разговор? Такую беседу надо вести за бутылкой вина. Я хоть целый день могу сидеть в машине и пялиться на великолепную задницу Дуэйна Уинстона, но мне нужно выяснить, почему мой *Ford* у них и что они собираются с ним делать!

– Согласна.

– Вот и хорошо, – кивнула я и взялась за дверную ручку, наконец-то ощутив прилив сил, способных согнать меня с

места.

– Слушай, я тоже готова целый день сидеть и любоваться прекрасной задницей Дуэйна Уинстона, – сообщила Клэр, когда я выставила ноги на асфальт, и, прежде чем я успела осудить ее вольность укоризненным взглядом, подруга выбралась из машины, хлопнула дверцей и направилась прямо к близнецам.

– Привет, мальчики! – сказала она, не дав мне времени соорудить деловую мину.

Я сразу растеряла свою уверенность, когда близнецы оглянулись. Взгляд Дуэйна сперва задержался на Клэр, но тут же перескочил на меня. Выражение его лица не изменилось – просто я получила все его внимание целиком. Встретившись со мной глазами, Дуэйн смотрел на меня, игриво подмигивая.

Страх во мне боролся с томительным ожиданием, и от этого в горле встал ком. Я честно пыталась выдержать взгляд Дуэйна, но проиграла, предпочитая приятную, легкую улыбку Бо, который улыбался нам с Клэр и ничего не требовал взамен.

– Привет прекрасным леди, – проворковал Бо, вынув плавок, чтобы протереть руки.

– Привет, Бо. Дуэйн. – Клэр остановилась футах в четырех от машины. Приветствие она сопровождала вежливым наклоном головы в сторону Дуэйна. Я подошла и встала рядом.

– Привет, Клэр, – отозвался Дуэйн, и у меня в животе буд-

то кто-то зажег огонь: тепло мгновенно распространилось по всему телу. Я поглядела на него и сразу отвела взгляд. Дуэйн смотрел на меня пристально и сосредоточенно, но с совершенно бесстрастным выражением лица.

Он волновал.

Я волновалась.

– Привет... ребята, – неуверенно, будто страдая косноязычием, сказала я комбинезону, на котором было написано «Дуэйн». После чего я решительно продралась через заросли неловкости, откашлялась и повернулась к Бо.

Ирония судьбы.

– Я тут заметила, что мой *Ford* стоит у вашей мастерской...

Бо рассматривал меня. Уголок рта у него приподнялся.

– Есть немного.

Я невольно улыбнулась в ответ – улыбка Бо не утратила своего обаяния.

– Но я оставила его перед городским клубом с накрывшимся мотором!

– Волноваться не о чем, – с нежным сочувствием поспешил сообщить Бо. – Развалину не украли, нужен новый мотор.

Я сунула руки в задние карманы юбки.

– Это-то понятно, но у меня сейчас нет денег.

– Мы так и поняли, – вмешался Дуэйн, делая шаг вперед и встал плечом к плечу со своим братом. Прямо передо

мною. – Мы готовы купить твой *Ford*, если продашь.

Я выждала две секунды, чтобы взять себя в руки, прежде чем подняла глаза на Дуэйна. Встретившись с ним взглядом, я поняла – правильно сделала, что приготвилась. Если глаза Бо напоминали голубое небо, то взгляд Дуэйна напоминал бушующий океан.

– Дуэйн, – зачем-то сказала я почти мечтательно, на выдохе.

Его внимательный взгляд бродил по моему лицу, и бесстрастное выражение смягчилось:

– Привет, Джессика.

Сердце у меня радостно подпрыгнуло. Пусть на лице Дуэйна не было и следа веселости, я почувствовала, как обалдело-застенчивая меланхолическая улыбка тронула мои губы.

– Привет, Дуэйн.

Наступила тишина.

Я не сразу заметила наступившую паузу, потому что меня швырнуло в океаническую бездну. В голове всплыли воспоминания о Хеллоуине, Дуэйне, о его руках, его губах, о горячем прикосновении его языка. Одержимость воспоминаниями превратилась в заикленность на желании: я не могла вздохнуть из-за странной распирающей тяжести, которая переполняла грудь.

Я очнулась, только когда общее молчание нарушил Бо.

– Клэр, можно заглянуть под твой багажник? По-моему,

надо подтянуть подвеску мотора – когда ты подъехала, я услышал дребезжащий звук...

Не дожидаясь ответа, он подхватил Клэр под руку и повел к *Chevrolet*.

Если Клэр что-то и сказала, клянусь, я не расслышала. В голове снова начался саундтрек – на этот раз «Первый раз, когда я увидела твое лицо» Роберты Флэк⁹, – и музыка становилась все громче, унося мой разум в голубые дали.

Мы с Дуэйном остались практически наедине, уставившись друг на друга горящими глазами.

⁹ Roberta Flack – The First Time I Ever Saw Your Face (*Прим. ред.*).

Глава 6

Не позволяйте своему багажу влиять на ваше путешествие.

*Каждая жизнь идет своим чередом.
Шейн Койсан*

~ Дуэйн ~

Я собирался ее поцеловать.

Но сперва я собирался ее задушить.

– Дуэйн... – выдохнула она мое имя, отчего у меня перехватило дыхание.

Джессика выжидательно глядела на меня. Большие янтарные глаза не отрывались от моих, будто я центр ее мира. Мне это очень нравилось, но немного и раздражало, потому что я не знал, как это понимать и что она там себе думает. Она не сказала ни слова, когда мы шли от озера к костру. Она мне не позвонила. Мы не разговаривали с самой пятницы.

Пять дней. Пять дней без ее прикосновений, без ее губ!

Я собирался целовать ее, пока буду душить.

– Ну? – отозвался я, не скрывая раздражения – в этом не было нужды. Так или иначе, мы придем к соглашению, которое подразумевает нечто определенное, а не какое-нибудь

«наверное». Ей лучше сразу усвоить, что я от нее так просто не отстану.

Джессика заморгала – вероятно, удивившись моему тону, и я смотрел, как ее передернуло, словно я ее испугал.

– Гм, в общем... *Ford*, – кашлянув, она отвела глаза.

– А что с *Ford*?

– Ты его увез.

– Ну, увез.

Я окинул ее взглядом. Джессика была в тонкой розовой кофточке на пуговках и белой кружевной блузке, заправленной в коричневатую юбку. Еще на ней были сапоги на высоком каблуке – самая непрактичная обувь.

Сапоги нужны для работы, для ходьбы по грязи, для защиты ног от осколков стекла и падения тяжелых деталей. Сапоги на шпильках не практичнее босоножек со стальным мыском.

По-прежнему не глядя на меня, Джессика спросила то-неньким, высоким голосом:

– Значит, ты хочешь купить *Ford*?

– Я так и сказал. – У меня снова прорвалось раздражение.

Ее взгляд резанул по мне, осыпав осколками негодования:

– Незачем вести себя так грубо, Дуэйн!

– Извини, в каком месте я грубый? – не сдержался я и шагнул вперед, отчего ей пришлось поднять голову. – Может, мне позвонить надо было?

– Да, – произнесла она сквозь зубы. – Нельзя увозить ма-

шины без спроса.

– Ах, простите, принцесса, но с нами связался Майк Макклюр и спросил, не могу ли я оттащить внедорожник сюда. Я решил, что он звонит от твоего имени.

– Нет, со мной никто ничего не согласовывал. Если бы я хотела тебе позвонить, я бы это сделала...

Эти слова были как нож в спину. Наверняка я вздрогнул, потому что выражение ее лица изменилось, но прежде чем Джессика успела объяснить, я ее прервал.

– Прекрасно, я тебя понял. Предельно ясно.

– Дуэйн...

Я остановил ее жестом. Джесс была такой красивой, даже голос у нее приятный, но мне вдруг захотелось, чтобы она ушла и избавила меня от пытки находиться рядом с ней и не быть вместе.

– Мы хотим купить эту машину, я готов предложить за нее хорошие деньги.

– Да подожди ты, дай я скажу... – Джессика взяла мою руку и сильно сжала.

Ощущение ее кожи отозвалось во мне электрическим разрядом до самого плеча. Я кое-как справился, скрипнув зубами.

– На эти деньги ты сможешь позволить себе новую машину – компактнее и с меньшим пробегом...

Не обращая внимания, Джессика сделала полшага вперед, застав меня врасплох. Только что она гневно глядела на меня

– и вдруг приподнялась на носочки и коснулась моих губ... своими. Большого мне не требовалось. Я поплыл.

От удивления я ответил на поцелуй только через секунду.

Но настроен я с самого начала был решительно, поэтому замешательство быстро улетучилось.

Я сжал локоть Джесс, чтобы пресечь возможное отступление, и наклонил голову, чтобы углубить поцелуй. Снова удивив меня, Джессика застонала и открыла рот. Ее маленький горячий язык искал мой.

Я целых пять дней думал о ее соблазнительных формах, шелковистой коже, прекрасных, блин, сиськах и потрясающей заднице. Пять дней непроходящего мучительного стояка. Больше всего мне хотелось отнести ее в комнату над офисом, приковать наручниками к стулу, раздеть догола и слушать, как она стонет, кричит и вопит мое имя.

Да необязательно мое имя – вполне устроило бы «О боже», «Да, да!», «Не останавливайся!», «Сильнее, быстрее, глубже, еще!».

Ну, в общем, вы меня поняли.

Вряд ли ее папаша-шериф или брательник-замшерифа обрадовались бы такому повороту, но я бы не сказал, что меня заботило их мнение по данному вопросу.

Рука Джессики отпустила мою и скользнула за спину. Мягкое тело прильнуло к моему, а локоть, который я придерживал, напрягся. Я ослабил хватку и как следует взялся за ее задницу, другой рукой обняв за талию.

Мне требовалась опора понадежнее. Нам надо уединиться. Мне нужно на что-то ее облокотить, чтобы я мог делать то, что мечтаю делать. Я приподнял Джесс и понес через мастерскую – мимо сапог Клетуса, мимо *Toyota*, которую он чинил, мимо ржавого ящика с инструментами «Мастер Лок» – в кладовую при гараже.

Надо отдать Джессике должное, она не переставала меня целовать. Наклонив голову в сторону и прижавшись к моей груди, Джессика лизала и покусывала мое ухо, издавая тихие вздохи и воодушевленные стоны. Обняв меня за шею, она не мешала нашему перемещению, поджав ноги и облегчая мне преодоление препятствий, разложенных и расставленных на полу мастерской.

Оказавшись в кладовой, я захлопнул дверь, развернулся и прижал к ней Джессику. Ее руки потянулись к молнии моего комбинезона.

И в этот момент в маленькой комнатухе, в окружении полок с жирно смазанными цилиндрами, поршнями и богатым выбором коленвалов мне в голову пришла мысль задрать Джессике юбку, войти в ее прекрасное тело и сделать это жестко и быстро – прямо у двери.

Я подумал об этом. Правда, подумал.

Но я не хотел так поступать.

Я решил жениться на этой девушке.

В том-то все и дело. Может, когда мы уже будем женаты, я затащу ее сюда и мы отлично проведем время. Или будем

делать это каждую среду... когда Джесс будет моей женой.

Но не сейчас. Еще не время. Сейчас нужно, чтобы меня воспринимали серьезно и уважали. Поэтому, заметив жирное пятно на рукаве ее красивой кофточки, наверняка оставленное моими пальцами, я заставил мотор остыть и впустил в свою систему хорошую дозу отрезвляющего.

Я схватил Джесс за руки, прежде чем она успела расстегнуть молнию моего комбинезона до самого пупа, и завел над головой. Трудно было соображать, когда руки Джессики и тем более губы продолжали свое волшебство, поэтому я нагнулся к ее шее и укусил за плечо. Пользуясь возможностью, я вдохнул ее запах и обнаружил, что это ошибка, если я хочу сохранить ясность рассудка.

Поцеловав ее еще раз в подбородок, я поднял голову, чтобы отдышаться, стараясь не слышать ее частое возбужденное дыхание и биение сердца, отдававшееся в моей груди. Мы словно приросли друг к другу от груди до колен. Не отпуская ее рук, я опустил их и придержал, стоя с закрытыми глазами. Мне понадобилось больше минуты, и я взял эту паузу, напомнив себе, что поспешность может испортить игру с дальним прицелом.

Джесс заговорила первой:

– Ты в этом действительно настоящий мастер.

– В чем? – Я приподнял глаза, стараясь не отрывать взгляда от отрезвляющего жирного пятна на розовой кофточке. Я невольно нахмурился, увидев, что грязь повсюду, где я ка-

сался Джесс.

– Ну, в поцелуях, в прикосновениях, в возбуждении...

Я не сдержал легкой улыбки от такой искренности и отступил на полшага поглядеть, сильно ли я ее испачкал. Джесс всегда была искренней – иногда даже чересчур. Она была искренней, когда правильнее было проявить осторожность. Она была настолько искренней, что я беспокоился за нее.

Но сейчас я остался благодарен за такую особенность ее характера.

Чувствуя, что уже контролирую себя, и понимая, что мне придется обновить весь ее наряд, я отпустил запястья:

– Спасибо, Джесс.

Но она не отрываясь глядела на мой рот и снова вцепилась в комбинезон, будто не желая меня отпустить.

– Мы должны это повторить.

Я уже не смог скрыть улыбки. Уперевшись в дверь, я похозяйски взял Джесс за задницу. Юбка все равно уже безнадежно испорчена, а мне нравилось трогать ее тело.

– Я только за.

Я поцеловал ее в нос. Переносицу Джесс всегда покрывала россыпь мелких веснушек, почти исчезнувших с тех пор, как мы были подростками. Но теперь, стоя вплотную, я их разглядел.

– Когда? – настойчиво спросила Джесс.

– Что ты делаешь сегодня вечером? – спросил я, одобряя такой напор. – Хочешь сходить в кино?

Джессика заморгала, брови чуть сдвинулись, и между ними появилась легкая морщинка.

– В кино? Нет. Только если зал будет совершенно пустой.

– Джесс... – Я покачал головой, вглядываясь ей в лицо. Не шутит ли она? Нет, не шутит. Шею у меня снова закололо, и холодная неуверенность морозом пробежала по спине. – Джесс, сейчас крутят много хороших фильмов. И давай еще где-нибудь поужинаем.

Она уставилась на меня, а я смотрел на нее и ждал. Я видел, что она напряженно думает, но о чем, не имел представления. Ее пальцы разжались, отпустив меня, тело напряглось, а карие глаза погрустнели. Мне не понравилось, как Джесс вдруг стала чужой в моих объятьях, однако я не убрал руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.